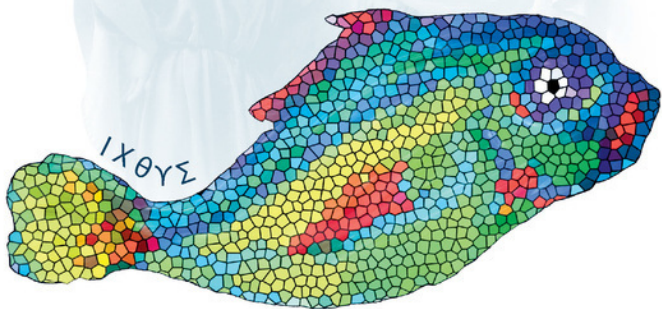

Видя
Вознесенская

Эдесское чудо

Юлия Николаевна Вознесенская

Эдесское чудо

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12486936

Эдесское чудо: Лента Книга, Вече, ГрифЪ,; Москва; 2013

ISBN 978-5-4444-0021-0, 978-5-91173-307-0, 978-5-905889-24

Аннотация

В своей новой книге знаменитая писательница, автор бестселлера «Мои посмертные приключения» и номинант Патриаршей премии 2010 г. Ю. Н. Вознесенская обращается к жанру исторического романа. На основе древней истории о девице Евфимии и о чуде, совершенном святыми Самоном, Гурием и Авивом, покровителями брака, автор воссоздает удивительную атмосферу эпохи раннего христианства. Под пером Юлии Вознесенской предание оборачивается увлекательными, захватывающими и даже опасными приключениями... но самым удивительным оказывается конец этой истории!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	25
Глава третья	55
Глава четвертая	78
Глава пятая	94
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Юлия Вознесенская

Эдесское чудо

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2013.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2013.

© Вознесенская Ю.Н., 2013.

Глава первая

В новом кафедральном храме города Эдессы¹, столицы Осроэны², подходила к концу воскресная литургия. София, причастившись, как и положено диакониссам³, сразу после

¹ **Эдесса**, нередко Едесса (*лат.* Edessa) – древний город на севере Месопотамии, в современной Турции это город Санли-Урфа. Первоначально здесь располагался основанный ассирийцами город Осроя (Орроя, Озрое) (отсюда турецкое название Урфа, греческое Орра, арабское Ар-Руха, сирийское Орхой), имевший большое торговое значение. В 303 г. до н. э. Селевк I Никатор основал здесь военную колонию, назвав ее Эдессой по имени древней македонской столицы, город был заселен смешанным греко-македонским и местным восточным населением. В III–II вв. до н. э. Эдесса являлась одним из крупнейших центров эллинистической культуры и одним из центров раннего христианства, здесь были найдены древнейшие рукописи отцов Церкви.

² Во второй половине I в. до н. э., из-за затянувшейся войны с Парфией держава Селевкидов распалась, и Эдесса становится столицей Эдесского (Озроенского, Осроенского) царства. Господствующее положение в царстве занимали северо-арабские племена (возможно, набатеи), во главе которых были цари из Абгарской династии (правили с 132 г. до н. э. по 214 г. н. э.). Эдесское царство находилось, в большей или меньшей степени, сперва под протекторатом Парфии, а со времени походов Помпея (сер. III в. до н. э.) – Древнего Рима. С 217 г. н. э. Эдесса окончательно вошла в состав Римской империи. В описываемое время Осроена уже была провинцией Восточно-Римской империи.

³ **Диаконисса** (*греч.* διακονος) – особая категория женщин в древней Церкви I–VIII вв., принявших посвящение и несших определенные церковные обязанности, но не принимавших участия в совершении таинств. К функциям диаконисс относились: приготовление к крещению; оказание помощи священнослужителям при самом крещении женщин; дела милосердия – посещение больных и бедных, раздача милостыни и устройство трапез; размещение входящих в храм женщин

диаконов, вышла, спустилась с возвышения, прошла на левую, женскую, половину церкви и встала у единственного полностью открытого окна. Прочие окна храма были снизу закрыты деревянными ставнями, чтобы прихожане, особенно молодежь и дети, не отвлекались на то, что происходит в саду. Здесь же, между окном и каменным возвышением, приготовленным для ковчега с мощами святого апостола Мара Тумы⁴, или по-гречески Фомы⁵, обычно никто не

по порядку и наблюдение за их поведением во время богослужения. Апостольские постановления указывают, что диаконисса *«без диакона ничего пусть не делает и не говорит»*, но при этом *«никакая женщина да не приходит к диакону или епископу без диакониссы»*.

⁴ **Мар** – почетное обращение у сирийцев, обозначающее духовное лицо; точное значение – «наставник в вере». Тума – сирийское произношение имени Фома.

⁵ Святой апостол Фома был родом из галилейского города Пансады и занимался рыболовством. Услышав благовестие Иисуса Христа, он все оставил и последовал за Ним. Апостол Фома входит в число Двенадцати святых апостолов, двенадцати учеников Спасителя. Святой апостол не поверил рассказам других учеников о Воскресении Иисуса Христа: «Аще не вижу на руку Его язвы гвоздинная, и вложу перста моего в язвы гвоздинная, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры» (Ин. 20, 25). На восьмой день после Воскресения Господь явился апостолу Фоме и показал Свои раны. «Господь мой и Бог мой!» – воскликнул святой апостол (Ин. 20, 28). «Фома, бывший некогда слабее других апостолов в вере, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – сделался по благодати Божией мужественнее, ревностнее и неутомимее всех их, так что обошел со своей проповедью почти всю землю, не убоившись возвещать Слово Божие народам диким». По Церковному Преданию, святой апостол Фома основал христианские Церкви в Палестине, Месопотамии, Парфии, Эфиопии и Индии. Свою проповедь Евангелия апостол закрепил мученической смертью. За обращение ко Христу сына и супруги правителя индийского города Мелиапора (Мелипура) святой апостол был заключен в темницу, претерпел пытки и, наконец, пронзенный пятью копья-

стоял, и потому окно держали полностью открытым. Тут, в месте узком, однако не тесном, она и осталась стоять, ожидая конца службы. Причащающихся сегодня было особенно много: в город, спасаясь от нашествия варваров, уже набились окрестные крестьяне; они пока не были приписаны к отдельным приходам, а потому большинство их устремилось на службу в только что выстроенный кафедральный собор, способный вместить более тысячи человек. Прихожане причащались, молитвенно-трепетно звучал девический хор, в котором София различала голос своей семнадцатилетней дочери Евфимии, но слышны были ей и голоса птиц, доносящиеся из сада. Сердце Софии было исполнено благодарности Богу, удостоившему ее принятия Святых Божественных Таин, губы сами шептали слова благодарственных молитв, исходящие из сокровенной глубины сердца, глаза были устремлены на Чашу Спасения в руках епископа, но вот мысли... Скажем честно, мысли вдовы-диакониссы, подобно малым птицам в кроне древесной, перепархивали между благочестивыми словами молитвы, как между цветущими ветвями, касаясь то одного, то другого предмета ее забот, хотя и посвященных делам церковным, но все же отчасти и земным... А главной заботой этого дня были проводы паломницы Эгерии⁶, прибывшей в Эдессу с самого края света,

ми, отошел ко Господу. Сегодня части мощей святого апостола Фомы есть в Индии, Венгрии и на Афоне.

⁶ **Паломница Эгерия** – реальное лицо, известное по своим запискам о путешествии (Itinerarium, или Peregrinatio ad Loca Sancta – «Паломничество ко Свя-

из далекой Аквитании⁷, и проведеншей в их городе три дня. Епископ Эдессы Мар Евлогий⁸ сам сопровождал ее в благочестивом паломничестве по городу и окрестностям, а сегодня она должна была покинуть Эдессу, направляясь в Иерусалим... Сестра Эгерия причастилась вместе с монахинями и теперь стояла неподалеку от Софии, опустив голову, покрытую покрывалом из тонкого льна, неотбеленного и чуть сероватого, будто пропитанного пылью дальних странствий. От ее высокой, худощавой, но вместе с тем величественной фигуры веяло отрешенным покоем и глубокой тихой радостью. Вот она, конечно, умела молиться в любом месте земли, ни на что не отвлекаясь! С виду сестра Эгерия была ее ровесницей, а самой Софии было уже почти сорок, и вот эта пожилая женщина где пешком, где на корабле, а где и верхом – то на ослике, то на лошади или даже на верблюде, с паломниками-попутчиками и в одиночку, меняя проводников, проделала долгий путь от Аквитании до Рима. «Благочестивая и бесстрашная! – с благоговением подумала София. – Она поставила себе целью добраться до всех святых мест, упомянутых в Ветхом и Новом Завете, а также посетить места, где совершались более поздние чудеса, и поклониться

тым местам»), написанным, вероятнее всего, в 381–384 гг.

⁷ **Аквитания** (лат. Aquitania) – историческая область на юго-западе современной Франции. Впервые упоминается Цезарем (I в. до н. э.) как часть Галлии, расположенная между Пиренеями и рекой Гаронной.

⁸ **Мар Евлогий** – реальное лицо, упоминаемое в Эдесских хрониках, в то время он был правящим епископом Эдессы.

новопрославленным святым. Похоже, ее вовсе не заботит, достанет ли у нее жизни на этот воистину беспримерный паломнический подвиг». София смиренно вздохнула, сознавая свое полное недостойнство даже рядом стоять с дивной паломницей, хотя сестра Эгерия, причащавшаяся после диаконисс, сама прошла в тот укромный уголок, где уже находилась София. «Помоги, Господи, рабе Твоей и верной поклоннице Эгерии завершить задуманный подвиг и благополучно возвратиться на родину, сохрани ее на всех путях ее!» – помолилась за нее диаконисса... И тут же мысли ее снова перекинулись на заботы грядущего дня. Не забыть бы напомнить храмовым прислужницам, чтобы те сразу после службы открыли настежь все окна храма и не закрывали их до тех пор, пока не закончится трапеза в саду и народ не начнет расходиться по домам. Хотя строительство закончилось, но в их новом великолепном храме, посвященном Софии Премудрости Божией⁹, до сих пор чувствуется запах извести, который пока не могут заглушить воск и ладан. Потом она отправится в сад на трапезу: уж очень хочется Софии послушать сестру Эгерию, ведь та обещала на прощание рассказать собранию о своем паломничестве, а после трапезы хозяева в последний раз проведут сестру Эгерию по главным святым местам города, дойдут вместе до Западных ворот и там распрощаются с нею. Надо попросить Мара Евлогия взять с со-

⁹ Посвящение кафедральных соборов Софии Премудрости Божией было известной византийской традицией.

бой и Евфимию: пусть девочка совершит эту большую прогулку по городу в таком хорошем обществе, а то в последнее тревожное время ей, бедняжке, нечасто приходится выходить из дома. Они зайдут поклониться святому апостолу Мару Туме, таково было желание сестры Эгерии: святые мощи апостола Христова все еще оставались в часовне неподалеку, хотя место для них уже было приготовлено в новом храме. Из-за грозящего нашествия варваров пришлось отложить торжественное их перенесение в кафедральный собор, где они будут пребывать вечно... Если, конечно, Господь будет и впредь хранить славный град Эдессу, как хранил до сих пор. Пока в городе относительно спокойно, хотя из-за беженцев-крестьян уже становится тесно, шумно и даже отчасти голодно. Еще слава Богу, что крестьяне успели собрать первый летний урожай овощей и пришли искать спасения в столице не с пустыми руками: на рынке уже взлетели цены на продовольствие и горожане спешно делали запасы, скупая в основном зерно, бобовые, овощи и масло. Выглянув украдкой в окно, София увидела, что в саду уже раскинут шатер, видно, служки постарались; в шатре накроют трапезу для постоянных прихожан храма, а беженцев, как и тех бедняков, кто явится уже после службы на даровой обед, трапеза будет ждать за столами, выставленными длинным рядом на аллее, ведущей к храму, под тенистыми финиковыми пальмами: в городе за последние месяцы не просто удвоилось население, но и возросло число бедных горожан. Надо ожидать,

что мест за этими столами достанет для всех, но если их и не хватит, то служки успеют поставить козлы и накрыть их досками, это дело недолгое. Надо будет заглянуть и в новое пристанище Мара Евлогия; в дальнем углу сада, под большой старой чинарой, сразу же после известия о том, что варвары подходят к городу, мужчины-прихожане своими руками выстроили скромный домик, и в нем уже неделю живет и молится епископ города Эдессы: поторопились и успели, слава Богу. Это городские власти решительно потребовали, чтобы епископ временно перебрался на жительство в город, и пришлось Мару Евлогию подчиниться старейшинам и покинуть свою любимую пещерную келейку, где он проводил время, свободное от служб и забот, в молитвах и богомыслии, – не то в один недобрый день он выйдет после службы из города, а назад уже не сможет вернуться. По слухам из всех варварских племен, выступающих вместе с персами, самые опасные – эфталиты¹⁰, и вот именно они-то и подошли к Эдес-

¹⁰ **Эфталиты**, или белые гунны, – объединение племен, образовавших в первые века государство на территории Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана. Наиболее обоснованным является представление о принадлежности Э. к восточно-иранским племенам, хотя среди них могли быть и другие этнические группы. Ряд исследователей считает, что основной территорией Э. были Тохаристан и Восточный Афганистан. Ядро эфталитского объединения составляли, видимо, воинственные кочевые племена, подвергавшиеся воздействию оседлой городской культуры. Эфталитское объединение распалось под ударами индийских, сасанидских и тюркских правителей: в Индии в 530-х гг., в Средней Азии и Афганистане в 560-х гг. Самоназвание эфталитов – хиониты. Несколько хионитских царей носило имя Эфтал, отсюда и возникло название эфталиты. Сходство звучания слов «хион» и «гунн» (собственно,

се. Они устроили свои стоянки где-то за холмами, окружавшими долину реки Дайсан, в которой раскинулся город. О Эдесса, столица первого на земле христианского государства Осроэна, будь благословенна, и да сохранит тебя Господь от вражеского нашествия и всех бед его!

* * *

Причастие завершилось, и торжественный девический хор заглушил птичье пенье. Диаконисса София сразу же за диаконами, но на этот раз пропустив вперед сестру Эгерию, приложилась к кресту, вынесенному епископом. Затем чтец начал читать благодарственные молитвы, и София повторяла их шепотом, решительно отогнав на это время все посторонние мысли.

Служба кончилась. Диаконисса снова отошла к облюбованному ею окну. Дыша напоенным ароматами, но все еще по-утреннему свежим воздухом, она ждала, когда все прихожане покинут храм. Теперь можно без смущения подумать о

hon), видимо, и объясняет тот факт, что византийские историки называют хионитов (эфталитов) белыми гуннами. К началу V в. хиониты (эфталиты) завоевали земледельческие оазисы за Амударьей и создали могущественную державу на обширных пространствах Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и части восточного Туркестана. Н. Гумилев пишет: «О народе, называемом эфталиты, мир узнал впервые в 384 г. н. э., когда при осаде Эдессы в персидском войске появились эфталиты, восточные соседи персов». *«Вестник древней истории»*. 1959, № 1, с. 129–140. Таким образом, 384 г. и есть начало действия нашего романа, условно, конечно.

хозяйственных делах. Мушмула уже поспела и вот-вот начнет осыпаться: надо будет собрать ее и наварить варенья для общих трапез и отдельно для Мара Евлогия, а часть плодов измельчить и высушить для прохладительных напитков. А скоро поспеют и вишни. В церковном саду растут не только нарядные и тенистые деревья, но и плодовые. Надо напомнить диакону Феодосию-греку, что пора уже назначить сторожа для охраны сада: жители Эдессы навряд ли полезут в церковный сад за плодами, но вот крестьянские дети, эти невинные маленькие беженцы, но большие разбойники по натуре, могут соблазниться фруктами и не столько отрясти, сколько попортить деревья. До чего же хорош их церковный сад, и как мудро поступил епископ, не позволив при разборке старого храма и возведении нового тронуть ни одного старого ствола. Каких только деревьев тут не было! Благоуханные кипарисы, сосны с длинными мягкими иглами и стройные финиковые пальмы, тенистые платаны, называемые также чинарами, и лавровишни, равно опьяняющие как плодами, так и ароматом своих цветов... Только дубы, деревья язычников, было запрещено сажать возле церквей. Росли тут и совсем уже редкие деревья, и среди них гигантский красавец айлант, вывезенный из Сереса¹¹ и потому именуемый также серским ясенем. Эдесса – город, где сходятся многие торговые дороги, в том числе известные всей Ойкумене Шелковый путь и Пряный путь, и потому нет ничего

¹¹ **Серес** (Σηρες) – греческое название Китая.

удивительного в том, что караваны привозят не только товары, но и редкие растения из дальних стран. В Сересе листья айланта идут на корм гусеницам шелкопряда, а сирийцы научились из его корней добывать краситель для шелка и шерсти. Прямо за окном цвела пышная и высокая лавровишня, и аромат ее белых кистей проникал в храм и сливался с запахом извести и ладана, а еще, конечно же, с благоуханием роскошных дамасских роз, тоже невидимыми волнами плещущим в окна храма. Розы... Греческие и римские христиане все еще подозрительно относятся к розам, считая их цветами язычников, но здесь, на восточной окраине империи, к розе, воспетой поэтами и народными певцами, отношение другое. И это не единственный церковный сад в Эдессе, благоухающий не только ладаном, но и розами: в городе больше трехсот церквей и церквушек и почти при каждой из них есть сад, обширный или совсем маленький, с фонтаном или прудом. А через их церковный сад даже протекал небольшой ручей с кристально чистой водой, дававший воду для полива, отчего особенно были зелена листва и свеж воздух.

К Софии подошла дочь.

– Матушка, можно мне на трапезу пойти вместе с другими девушками из хора?

– Конечно, Евфимия, иди с подружками. Только и Фотиния пусть тоже идет с тобой и будет неподалеку!

– Мама! Девушки опять будут смеяться надо мной, что я везде хожу с нянюшкой, как маленькая!

– Зато я буду покойна: пока ты с Фотинией, на тебя ни один скорпион не посмеет глянуть слишком пристально, – на самом деле София подумала «ни один юноша», но вслух она этого не сказала, чтобы даже тень мысли о подобном не упала на любимую, такую невинную, чистую и пуще глаза оберегаемую дочь. – Возьми няню и иди, доченька, мне еще надо навести порядок в алтаре и храме.

– Будь по-твоему, мама, – вздохнув, сказала Евфимия и поцеловала мать. – Пойду искать мою цербершу!

– Храни тебя Бог, моя послушная ласточка! – целуя ее в ответ, сказала София.

* * *

Трапеза была скромнее, чем обычно, но благодаря приношениям состоятельных прихожан все же богаче, чем могло себе позволить в воскресный день большинство жителей Эдессы. Подавались печеная рыба с просом и тушеными овощами, вяленое мясо, размоченное в уксусе с пряностями, пшеничные лепешки, которые ели с медом и сыром. Посередине стола стояли кувшины с холодной водой, в которой плавали мелко нарезанные кубики еще прошлогодних яблок; расписные глиняные мисочки с орехами, вялеными финиками и сушеными фруктами, а также с оранжевыми плодами мушмулы нового урожая.

На дорожке под деревьями, где были расставлены столы

для горожан, крестьян и нищих, трапеза была лишь чуть более скудной: к столу не были поданы мясо и сыр, но зато всем досталось по большому куску рыбы и целой лепешке, а про-со, овощи, орехи и финики каждый мог есть досыта. Правда, прислуживавшие сестры следили за тем, чтобы никто из обедавших не уносил пищу с собой; для тех же, у кого дома остались немощные старики, больные родственники или маленькие дети, сестры приготовили небольшие коробки из пальмовых листьев, заранее наполнив их едой; это было традиционное воскресное подношение, к которому привыкли жители Эдессы, хотя с каждой неделей воскресная раздача даже в этом, самом крупном и богатом, приходе города становилась все более скудной.

Когда все отобедали и перешли к сладостям и фруктовым напиткам, Мар Евлогий на местном наречии представил сестру Эгерию тем, кто еще не видел благочестивую паломницу, а затем заговорил с ней по-гречески. Эдесса – город разноплеменный, общим языком жителей, кроме арамейского, был еще и греческий, а потому большинство собравшихся понимало разговор епископа с аквитанской паломницей. Впрочем, Эгерия, женщина весьма образованная, хорошо знала и арамейский¹².

– Понравилась ли тебе служба, сестра Эгерия? – спросил епископ.

¹² **Язык арамейский**, всем известный под именем сирийского, и есть, собственно говоря, эдесское наречие.

– Да, очень понравилась. И ваш новый храм просто поражает великолепием! Одно удивило: в хоре поют девушки. Прежде я такого нигде, кроме женских монастырей, не встречала, ведь обычно хор составляют мужчины или мальчики.

– По будним дням и у нас поют мужчины. Женский хор – это наше недавнее нововведение, и до сих пор далеко не во всех храмах Эдессы поют по праздникам девицы. Обычай этот ввел наш преподобный Мар Апрем¹³, чтобы еще более расположить жителей Эдессы к посещению храмов и отвлечь их от ересей, одно время весьма распространившихся в нашем разноплеменном городе. Он призвал к пению благочестивых дев из достойных христианских семейств, в основном дочерей клира, и сам обучал их напевам, по которым надлежит петь. Людям очень понравилось сладкоголосое девичье пение, многие специально стали приходили в храм его послушать, а главное – увлеченные еретическими заблуждениями начали оставлять свои сборища и тоже посещать церковные службы. Вот таким впечатляющим и понятным всем образом наш Мар Апрем не только украшал богослужения,

¹³ **Мар Апрем** – преподобный Ефрем Сирин (ок. 309–373). О его жизни известно крайне мало. Судя по его произведениям, он получил хорошее образование, включавшее и знакомство с античным языческим наследием. Его наследие чрезвычайно обширно и включает в себя толкования на Священное Писание, проповеди и поучения, многочисленные гимны и молитвы, вошедшие отчасти в современное богослужение. Еще при жизни преподобного они были переведены на греческий язык.

но и отражал ложные мудрования еретиков, – с улыбкой закончил епископ.

Покончившая с делами и подсевшая к столу София с удовольствием слушала Мара Евлогия: и дочь, и сама София гордились тем, что близко знали Мара Апрема, теперь уже всеми почитаемого святым.

– Мар Апрем – это Ефрем Сирин, – задумчиво уточнила для самой себя Эгерия. – Я видела могилу преподобного за городской стеной. Меня удивила ее скромность. Но надо думать, в будущем эдесситы построят над нею достойную его усыпальницу или даже церковь?

– Нет, сестра, – покачал головой епископ. – Особых почестей останкам святого не воздается по его особому запрету: он грозил покарать даже того, кто зажжет хотя бы одну свечу в его честь!

– А ты, Мар Евлогий, наверное, лично знал преподобного Ефрема Сирина? – и она тут же достала из своей дорожной сумы стило и дощечку, чтобы сделать запись в своих путевых заметках паломницы.

– Я был одним из его учеников, – скромно сказал епископ.

– Самым любимым учеником! – добавил старый диакон Феодосий, сидевший за столом по другую руку от Мара Евлогия.

– Как старший по сану я мог бы тебе возразить, но как младший по возрасту – не стану, – с улыбкой ответил на это епископ, который был еще довольно крепким мужчиной. –

Наверное, ты знаешь лучше: я-то был слишком юн, когда Мар Апрем взял меня в ученики. Он же научил меня петь и руководить хором.

– Я читала творения великого Ефрема Сирина на греческом языке. Уж не знаю, кто переводил его, – с улыбкой легкого удивления проговорила сестра Эгерия, – но переводы эти прекрасны! Его поэзия великолепна, стихи его мне понравились почти так же, как стихи Григория Назианзина¹⁴, а равных ему среди христианских поэтов Нового времени нет.

– Мар Апрем и сам писал стихи на греческом языке, – сказал Мар Евлогий, – и даже пел на нем.

– В самом деле? А ваши девушки тоже поют на греческом? Может быть, они споют что-нибудь для нас? – она посмотрела в угол шатра, где за отдельным небольшим столом сидели девушки из хора. Заметив ее взгляд, певицы смутились...

– Пусть они сначала поклюют сладких ягод, чтобы голоса стали слаще, а потом уже мы попросим их спеть, – сказал епископ, заметив растерянность певиц и желая дать им время на подготовку.

– Преподобный Ефрем Сирин, как я слышала, написал много песнопений для Церкви?

– Мар Апрем обогатил своими стихами многие части богослужения, кроме Литургии, – ее он не посмел коснуться. Он написал стихами песнопения на дни Великих праздников

¹⁴ **Назианзин** – прозвание св. Григория Богослова по месту рождения близ города Назианза в Капподокии (Турция).

Господних: Рождества, Крещения, Воскресения и Вознесения Христова – и в прославление других деяний Христовых; а также на дни мучеников. В этих песнопениях учитель наш ярко раскрывал значение воспоминаемых событий и отношение их к нашему спасению. Написал он и песнопения на погребение умерших... Но я могу бесконечно говорить об учителе, зачем ты не остановишь меня, сестра?

– Затем, что слова твои подобны холодному сладкому шербету¹⁵ в жаркий день, в котором плавают лепестки роз: они утоляют жажду, но пресытиться ими невозможно! – улыбаясь, сказала Эгерия.

– Какое цветистое сравнение – сразу видно, что ты долго странствовала по Востоку и даже полюбила персидский освежающий напиток! – засмеялся в ответ епископ. – А довольна ли ты своим паломничеством в Эдессу, сестра?

– Я счастлива, что Господь привел меня в ваш город, и благодарна тебе, Мар Евлогий, что ты и твои ученики сопровождали меня по святым местам Эдессы. Я собиралась пробыть в городе один день, но здесь оказалось так много того, что я желала увидеть, что решила остаться на три дня. И они прошли как день единый! Поистине Эдесса не только один из древнейших и прекраснейших городов мира, но и один из самых христианских: столько у вас гробниц мучеников,

¹⁵ **Шербет** – Турецкое слово «şerbet» заимствовано из других восточных языков, а сам напиток изобретен персами и на персидском называется «шарбат». Очень может быть, что ко времени действия романа этот прохладительный напиток уже был известен сирийцам от персов.

церквей и монастырей и просто святых отшельников, живущих вблизи гробниц, и тех, кельи которых находятся вдали от города в местах уединенных. Вы показали мне все, что каждому христианину было бы интересно увидеть. И я особенно благодарна тебе, Мар Евлогий, за копию письма, которое Спаситель прислал царю Авгарю, я буду беречь ее как святыню. Печаль и радость наполняют мое сердце и действуют в нем то попеременно, то вместе. Радость от соприкосновения со святынями и печаль от того, что мне все же приходится покидать этот воистину благодатный город. Теперь мне предстоит обратный путь в Иерусалим.

– Долог будет этот путь, сестра?

– Двадцать четыре ночлега, или, по-вашему, масьюна¹⁶, заняло мое путешествие от Иерусалима до Эдессы, – отвечала паломница, – и столько же, вероятно, займет путь обратный. Паломники, с которыми я двинусь к Святой земле, уже, я думаю, ждут меня в монастыре святого Иоанна Предтечи, в часе пути отсюда. Но сначала обещанное!

– Прогулка по городу?

– И это тоже, ведь я хочу в последний раз поклониться мощам святого апостола Фомы. Но ты обещал, Мар Евлогий, что я еще услышу пение ваших красавиц!

Епископ с улыбкой повернулся к девицам и вопросительно поднял брови.

¹⁶ **Масьюн** (от римского *mansio*, «день пути») – время, затраченное на путешествие от одного ночлега до другого; по расстоянию это около 45 км.

– Благослови, владыко, спеть для твоей гостьи «Горем глубоким томим!», – смело сказала Мариам, старшая певчая в хоре. Девушки уже успели пошептаться и выбрать для гостьи песню, которую она наверняка не слышала, и в то же время подходящую по настроению для всех: какими бы юными они ни были, а тревога, охватившая весь город, не могла и их оставить равнодушными.

– Пойте, – кивнул Мар Евлогий и добавил для сестры Эгери: – Девушки выбрали для тебя песню на слова любимого тобой Мара Григория Назианзина.

Мариам вывела своим низким голосом задумчивое начало:

*Горем глубоким томим,
Сидел я вчера, сокрушенный,
В роце тенистой, один,
Прочь удалясь от друзей.*

Девушки тихо поддерживали ее:

*Любо мне средством таким
Врачевать томление духа,
С плачущим сердцем своим
Тихо беседу ведя.*

И вдруг голоса взлетели звонким фонтаном, разбежались, расцвелились по-восточному прихотливыми музыкальными

украшениями:

*Легкий окрест повевал ветерок,
и пернатые пели,
Сладкою дремой с ветвей лился
согласный напев,
Боль усыпляя мою; меж тем
и стройные хоры
Легких насельниц листвы, солнцу
любезных цикад,
Подняли стрекот немолчный,
И звоном наполнилась роща;
Влагой кристальной ручей сладко стопу
освежал,
Тихо лиясь по траве...*

И вдруг все девушки затихли, и Мариам одна продолжила
негромко и печально:

*Но не было мне облегченья:
Не утихала печаль, не унималась тоска...*

и закончила трагическим речитативом:

*Кто я? Отколе пришел? Куда направляюсь?
Не знаю.
И не найти никого, кто бы наставил меня...*¹⁷

¹⁷ Перевод стихов Сергея Аверинцева.

Сестра Эгерия молча встала, подошла к девушкам и каждую поцеловала, а покрасневшую от радости Мариам даже трижды.

– Я буду вспоминать ваше пение в пути, эдесские соловушки! – сказала паломница.

В саду снова громко запели птицы.

Глава вторая

Не с одним, а с двумя апостолами Христовыми связана христианская история Эдессы. Сразу после Вознесения Спасителя апостол Фома посылал для просвещения Эдессы апостола Фаддея¹⁸, но вера во Христа пришла в Эдессу раньше. При жизни Иисуса Христа городом и областью правил царь Авгарь Пятый, прозванный Черным¹⁹. Несчастный царь звался так потому, что болен был черной хворью, бичом Востока – проказой. Слыша о многочисленных чудесных исцелениях, сотворенных Иисусом Христом, Авгарь возжелал увидеть хотя бы образ, хотя бы изображение Христа, надеясь от него получить исцеление. Сам он из-за немощи не мог посетить Господа и потому послал Ему письмо с просьбой об исцелении, а следом отправил искусного живописца Ананию. Однако как ни трудился Анания, воссоздать красками

¹⁸ По-сирийски Мар Аддай. Фаддей – один из 12 апостолов, брат Иакова Алфеева. Упомянут в списках апостолов в Евангелиях от Луки (6, 16) и от Иоанна (14, 22), а также в Деяниях апостолов (1, 13). В Евангелии от Матфея (10, 3) и от Марка (3, 18) упоминается Фаддей, или Левей, прозванный Фаддеем. Его другое имя – Иуда, или Иуда Иаковль – по брату; в Евангелии от Иоанна Иуда на Тайной вечери задает вопрос Иисусу о Его грядущем Воскресении. При этом он назван «Иуда, не Искарот», чтобы отличить его от Иуды-предателя. Апостол Фаддей проповедовал в Палестине, в Аравии, Сирии и Месопотамии и умер мученической смертью в Армении во второй половине I в. н. э.

¹⁹ По-сирийски Уфама, или Уккама.

на доске дивный образ Спасителя ему не удавалось. И тогда Господь, зная непреложную веру Авгаря и крепкую его надежду, а также видя безуспешные старания живописца, приказал апостолу Фоме принести воды и убрус – полотняное полотенце. Спаситель умылся, приложил убрус к Своему лицу – и на полотне осталось отображение. Сей нерукотворный Образ Господь наш Иисус Христос и отослал Авгарю с Ананией, присовокупив к нему письмо, в котором было сказано следующее: *«Блажен ты, Авгарь, не видевший Меня, но уверовавший в Меня, ибо о Мне написано, что видящие Меня не явят веры; не видящие же уверуют в Меня и наследуют жизнь вечную. Ты пишешь ко Мне, чтобы Я пришел к тебе, но Мне подобает совершить то, ради чего Я послан, и по совершении возвратиться к Пославшему Меня Отцу. И когда Я буду вознесен к Нему, тогда пошлю к тебе одного из учеников Моих, который, совершенно исцелив тебя от твоей болезни, подаст тебе и находящимся с тобою жизнь вечную».* (Копию этого письма и сделал собственноручно епископ Мар Евлогий для паломницы Эгерии.) Царь Авгарь, прочтя послание Христово и получив Нерукотворный Образ, возликовал, с верою приложился к изображению Спасителя на убрусе, и болезнь почти оставила его: тело очистилось полностью, лишь на лице проказа осталась, но дышать и двигаться царю стало значительно легче. Для окончательного врачевания, а также для просвещения и крещения царя Авгаря апостолом Фомой и был послан в Эдессу апостол Фаддей, быв-

ший родом из Эдессы. Святой апостол прежде полного исцеления тела царя исцелил его душу, преподав ему во всей полноте учение Христово. Авгарь уверовал и крестился, и по выходе царя из святой купели проказа покинула его полностью. Вслед за государем начали креститься и его подданные, в первую очередь те, кто также был исцелен апостолом от разных болезней; таким образом почти все жители города Эдессы были просвещены верою во Христа Спасителя и крещены, после чего в нем начали строиться храмы и апостольским руково­зложением были поставлены пресвитеры. Нерукотворный же Образ на убрусе Авгарь укрепил на доске, украсил его и установил в нише над городскими вратами, и много лет жители, проходя Западными вратами города, хранили благочестивый обычай поклоняться Нерукотворному Образу.

Со временем один из правнуков Авгаря, правивший Эдессой, впал в идолопоклонство. Он приказал снять Убрус с городской стены. С тех пор святыня исчезла с глаз эдесситов, но обычай молиться Христу, проходя Западными вратами, сохранился²⁰.

²⁰ Предание повествует, что Христос явился в видении Эдесскому епископу и повелел спрятать Свое изображение. Епископ пришел ночью к воротам, зажег перед Образом лампаду и заложил его глиняной доской и кирпичами. Прошло много лет, и жители забыли о святыне. Так было до 545 г., когда персидский царь Хозрой I осадил Эдессу. В эти дни епископу Евлавию явилась Пресвятая Богородица и повелела достать из замурованной ниши Образ, который спасет город от разорения. Разобрав нишу, епископ нашел Нерукотворный Образ неизменным: перед ним горела лампада, а на глиняной доске, закрывавшей нишу, было подоб-

Апостол же Фома, по-сирийски Мар Тума, как уже упоминалось, в основном вел проповедь в Индии, в южной ее части. Там же, после двадцати лет служения, он принял мученическую смерть в городе Малапаре, пронзенный во время молитвы пятью копьями по приказу жрецов. Он был похоронен в прекрасной гробнице, построенной его учениками. Но когда город был захвачен язычниками, христиане озабочились тем, чтобы уберечь святые мощи апостола от осквернения, и большую часть их передали через благочестивого купца Хабина в Эдессу²¹. Не удивительно, что мощи святого апостола Фомы считались главной святыней города Эдессы, как не удивительно и то, что, покидая город, паломница Эгерия захотела напоследок приложиться к ним.

ное же изображение. После совершения крестного хода с Нерукотворным Образом по стенам города персидское войско отступило. В 630 г. Эдессой овладели арабы, но они не препятствовали поклонению Нерукотворному Образу, слава о котором распространилась по всему Востоку. В 944 г. византийский император Константин Багрянородный (912–959) пожелал перенести Образ в Константинополь и выкупил его у эмира – правителя Эдессы. С великими почестями Нерукотворный Образ Спасителя и то письмо, которое Он написал Авгарю, были перенесены в столицу империи. 16 августа Образ Спасителя был поставлен в Фаросской церкви Пресвятой Богородицы. О последующей судьбе Нерукотворного Образа (Убруса) существует несколько неподтвержденных преданий.

²¹ Первоначально мощи хранились в небольшой часовне, а в новый кафедральный собор были перенесены уже при преемнике Мара Евлогия, епископе Кире. (См. Эдесские хроники.) С XIII в. мощи святого апостола Фомы были перенесены из Эдессы в Италию и хранятся в крипте кафедрального собора города Ортона в Италии. Части мощей хранятся в Индии, Венгрии, а также на Афоне, в Пантелеимоновском монастыре.

Ослик сестры Эгерии во все время службы и трапезы пасся привязанный в уголке сада, где были заросли жестких, но, на его неприхотливый вкус, вполне съедобных колючек. Молодой послушник-проводник, который должен был из Эдессы препроводить сестру Эгерию в монастырь святого Иоанна Предтечи, где он и ослик были ею наняты для путешествия в Эдессу, уже отвязал его, оседлал и погрузил на него две переметные сумы с дорожным имуществом паломницы. Когда, воздав благодарственные молитвы Господу, Мар Евлогий с сестрой Эгерией и диакониссой Софией направились к воротам, ослик и послушник сопровождали их все с той же кроткой неторопливостью. Вместе с ними шли подружки Евфимия и Мариам: девушки росли рядом с ранних лет, отцы их были друзьями и соседями, они даже вели общие дела. За Евфимией неотступно следовала ее старая нянька Фотиния, а рядом с Мариам шагала ее старший брат Товий, молодой купец, уже успевший первый раз пройти по Шелковому пути до самого Сереса: нелегкое это путешествие заняло почти два года, но, вернувшись и найдя сестру и ее подружку изрядно повзрослевшими, Товий не изменил их детской дружбе.

На широкой дорожке, ведущей от ворот к храму, их поджидали прихожане, чтобы еще раз получить благословение

от своего епископа и задать волнующие их вопросы:

– Владыко, продолжать ли нам делать запасы на случай голода?

– Продолжайте.

– Так варвары все же готовят осаду Эдессы?

– Они-то готовят, а вот допустит ли ее Бог – это зависит от ваших молитв и Господней воли. Молитесь и поститесь!

– Вот и блаженный Алексей²² на паперти церкви Пресвятой Богородицы говорит, что если не станем молиться и поститься по доброй воле, то будем голодать по воле варваров.

– Блаженный, как всегда, прав, – коротко отвечал епископ.

– Владыко, у меня в имении остался скот, который я мог бы еще успеть привести сюда, чтобы продать на рынке. Благослови меня перегнать хотя бы стадо овец!

– Не благословляю, потому что кони варваров передвигаются значительно быстрее твоих овец. Оставайся в городе, чадо.

Другой прихожанин спросил с сомнением:

– Мар Евлогий, но нам говорят, что варвары еще за горами! Разве это не так?

²² Святой праведный Алексей, человек Божий, согласно житиям, подвизался на паперти Богородичной церкви в Эдессе как раз в конце IV – начале V вв. Высказывание сие есть домысел автора, но, если блаженный находился в Эдессе во время осады ее эфталитами, всенародное бедствие не могло пройти мимо его внимания, и можно предположить, что подобное предупреждение могло исходить из уст святого.

– Горы бывают и далекие, и близкие, друг мой. Когда тебе говорят, что враг за горами, надейся, что речь идет о дальних горах, но будь готов и к тому, что он притаился за ближайшим холмом.

Перед воротами епископ остановился, ненадолго задумался, перебирая четки, а затем обратился к Эгерии:

– Тебе очень повезло, сестра, что в городе стоит греческий гарнизон и ты смогла спокойно войти в Эдессу, а также осмотреть ее окрестности. Мы в любой день можем оказаться в осаде. А теперь, пожалуй, тебе надо поторопиться отойти от города в Иоанновский монастырь.

– Да, меня предупреждали, что Эдессе угрожают полчища варваров.

– Причем опаснейших из них – эфталитов, о которых не хотелось бы даже упоминать в светлый воскресный день. Велика же вера твоя, сестра, коли ты не убоялась предупреждений и все же посетила наш город.

– Я счастлива, что мне это удалось, но за вас буду тревожиться и молиться весь мой обратный путь до Иерусалима и потом дома, в Галлии, тоже. Ты уверен, Мар Евлогий, что гарнизон, стоящий в городе, выстоит против них?

– Откуда мне знать? Я воин Господа, а не Империи.

– Об эфталитах рассказывают много таинственного и ужасного.

– Да, это опасный враг. Эфталиты, подобно гуннам, ловко управляют с конями, а их конные разведчики уже со-

вершают дерзкие вылазки в окрестностях Эдессы. А сейчас, если тебе угодно, сестра, мы посетим часовню, где покоятся мощи святого апостола Фомы.

– Я буду рада еще раз поклониться святому апостолу! – сказала сестра Эгерия.

Пожелание ее было исполнено скоро, ибо церковь, где до времени хранились мощи святого в серебряном ковчеге, находилась неподалеку от кафедрального собора. Вечером того же дня, уже в монастыре святого Иоанна Крестителя, Эгерия записала в своем паломническом дневнике: *«По традиции мы исполнили наши молитвы и все то, что мы обычно делаем, посещая святые места. Мы также прочитали отрывки из “Деяний святого Фомы” (у его гробницы)»*²³.

Из прохлады маленькой церкви они вышли на улицу, где уже царил полдневный жар, и Мар Евлогий предложил:

– А теперь, сестра Эгерия, я покажу тебе то, чего ты еще не видела и что я приберег напоследок: мы пойдем теперь на юг, к царским садам, где владевают тень и прохлада, и там ты увидишь роскошный дворец, который царь Авгарь построил для своего сына Ману.

– И удивительные пруды, на берегу которых стоит дворец, – добавила Мариам.

– Там плавают столько чудесных огромных рыб! – воскликнула Евфимия.

– Что вы, что вы, девочки! – замахала на них руками ста-

²³ К источнику живой воды: Письма паломницы IV в. М.: Паломник, 1994.

рая нянька Фотиния. — Да разве же можно христианским девицам любоваться этими рыбами?

— А почему нельзя? — тотчас полюбопытствовала бойкая Мариам.

— Ты, Фотиния, попрдержала бы язычок, — вполголоса одернула нянюшку София, — незачем юным девушкам напоминать о языческих мерзостях.

Мар Евлогий услышал их разговор и сказал Товию:

— Девицы хотят посмотреть на рыб, проводи их к прудам, Товий. Поглядите на рыбок и заодно освежитесь. А мы, беседуя, потихоньку пойдем к дворцу, и там вы нас догоните.

— Идемте скорей, братец, Евфимия! — воскликнула Мариам и побежала вперед к мелькающей за цветущими кустами зелено-голубой воде прудов. Товий пошел за ней рядом с Евфимией, сразу же начав рассказывать ей что-то интересное, показывая рукой на пруды; Евфимия внимательно слушала его. София с улыбкой смотрела им вслед.

— Ты, Фотиния, можешь пока оставить Евфимию, она под хорошей охраной, — сказала она нянюшке, двинувшейся было за своей подопечной. — Не мешай молодым, дай им хоть немного повеселиться без твоей назойливой опеки!

— Как скажешь, хозяйка! Ты мать, тебе и ответ держать перед Господом, если охрана окажется ненадежной, — для порядка проворчала в ответ Фотиния, но спорить не стала и, пройдя скорым шагом мимо тенистых, увитых глициниями арок, углядела под одной из них каменную скамью, откуда

могла и сидя наблюдать за Евфимией с друзьями, уселась там и даже разулась, блаженно вытянув усталые ноги.

– Строга твоя старая нянюшка, – улыбнулся Мар Евлогий.

– Причем не только с Евфимией, но и со мной – по старой памяти. Она порой невыносима, но зато я спокойна за дочь, пока она под крылом этой квочки.

– Понимаю и одобряю, – сказал епископ. – Юные девушки беззащитны, как цыплятки, их надо беречь и беречь. Но в отношении Товия ты можешь быть спокойна: этот юноша благороден в чувствах и чист в помыслах.

– Мне это ведомо, владыко, – сказала София. Они обменялись понимающими взглядами и замолчали, поскольку вокруг были люди.

– Так что ж там такое с этими рыбами? – спросила Эгерия, нарушая их доброе молчание.

– Задолго до того, как Эдесса стала христианской, – сказал епископ, – рыбы в прудах Эдессы были посвящены языческой богине Иштар и никто не смел их ловить. Теперь же их ловят, подают к столу нашего правителя, а излишки продают народу.

– Ты ела сегодня рыбу на трапезе? – спросила София паломницу.

– Да, конечно.

– Как она тебе показалась?

– Необыкновенно вкусна и свежа, и костей совсем немного.

– Это и была рыба из царских прудов. Только не проговоришься нашей Фотинии! Встречаются в Эдессе такие сверхблагочестивые христиане, которые не хотят есть рыб, чьи предки когда-то приносились в жертву Иштар: богиня-то была не слишком похвального поведения.

– До благочестия вашей старушки мне далеко, – улыбнулась Эгерия, – и я не стану сокрушаться, что ела эту вкусную рыбу.

– И это разумно, – улыбнулась София. – Нянюшка моя и вправду благочестива, но до чего же порой нудна и назойлива!

Эгерия в своем дневнике писала: *«Там были источники, полные рыб, каких я еще никогда не видала, то есть столь больших и столь вкусных»*²⁴.

Ей понравились царские пруды.

– Какая удивительно чистая вода! Даже отсюда видны не только стаи рыб, но и каждый камень на дне и короткие, словно подстриженные, зеленые водоросли.

– Это «водяной горошек», которым питаются рыбы. Он растет будто бы специально для них и, говорят, прямо с тех пор, как появились эти пруды, а им уже много сотен лет, – сказал Мар Евлогий.

– Так сколько же лет самому городу? – спросила Эгерия.

– Немногим меньше, чем человечеству. Посмотри, сестра, вон туда, вдаль и вверх: видишь ты гору, на которой стоит

²⁴ См. К источнику живой воды.

крепость, а над ней две высокие колонны?

– Вижу, владыко.

– «Троном Нимрода»²⁵ зовут их. По преданию, это руины дворца царя Нимрода, злосчастного строителя Вавилонской башни.

– Какими огромными они кажутся даже на таком расстоянии! Но вот что странно, Мар Евлогий, мне ведь показывали дворец Нимрода в Палестине...

– Меня это не удивляет, и нет у меня сомнений в правдивости как эдесского, так и палестинского преданий, – сказал епископ. – Ты помнишь, сестра, сколько жили Ной и его потомки? Так что Нимрод за свою долгую жизнь мог построить десятки и городов, и дворцов.

– Да, это верно...

– А Эдессу, опять же по преданию, Нимрод построил, удалившись из Вавилона. Он выбрал долину, богато орошаемую левым притоком Евфрата, называемым в Библии рекой Балих, на арамейском Дайсаном, а по-гречески Скиртом. Во время владычества Селевкидов город и был назван Эдессой, что значит Водный²⁶. В воде у нас и вправду недостатка никогда не было, слава Всевышнему... Но нам уже пора бы и во дворец! Где там наша молодежь?

Будто услышав владыку, скорыми шагами к ним подошли

²⁵ Гигантские столбы Трона Нимрода сохранились до сих пор, их можно увидеть в турецком городе Санли Урфа, бывший Эдессе.

²⁶ В некоторых старых источниках Эдесса так и переводится – Водена.

Товий с Мариам и Евфимией: у девушек на волосах блестела вода, тонкие льняные покрывала и лица под ними, края палл и даже подола туник были мокрые, а с немного неуклюжего, но зато озорного брата Мариам так просто текло: ясно было, что молодежь плескалась друг в дружку водой из прудов. Но, подойдя к старшим, все трое остановились и приняли вид самый скромный.

– Освежились? – с улыбкой спросила София.

– С ног до головы! – честно признался Товий.

Стражники, охранявшие ворота дворца, увидев святого епископа в окружении паствы, не только не чинили им препятствий, но, сняв пернатые шлемы, чинно подошли под благословение, а затем скромно вернулись на свои посты. Не разрешили войти только ослику, велев проводнику остаться за воротами. Послушник, ничуть не огорчаясь, привязал скотинку в тени под большой чинарой, уселся рядом прямо на землю, опершись спиной о гладкий пятнистый ствол, и то ли задремал, то ли погрузился в молитву.

Мар Евлогий не только показал сестре Эгерии царский дворец, в котором снаружи теперь располагалось городское управление, но и провел ее в атриум, где стояли статуи всех государей, предшествовавших нынешнему царю Авгарю. По традиции владыка Эдессы носил имя предшественника, первым уверовавшего во Христа. Среди них выделялась статуя того самого Авгаря, который знаменит во всем христианском мире, ибо через него в этот мир пришло первое изображение

Иисуса Христа – Спас Нерукотворный. Статуя была высечена из особенно белого мрамора, вероятно для того, чтобы подчеркнуть, как совершенно было дарованное исцеление от проказы.

– Этот мрамор похож на жемчуг! – воскликнула паломница. – И по лицу изваяния видно, что царь Авгарь был воистину муж богобоязненный и мудрый!

– Таков и был Авгарь, который, ни разу не видев Иисуса Христа, поверил, что Он есть воистину Сын Божий! – сказал епископ. – Я не погрешу против истины, предположив, что ты, сестра Эгерия, хорошо знаешь историю обретения Авгарем Нерукотворного Образа Господа нашего Иисуса Христа и чудесного исцеления этого царя.

На эти слова сестра Эгерия ответила кивком согласия и перекрестилась.

– Но известно ли тебе, что к этому чуду причастен и наш возлюбленный апостол Фома, покровитель нашего города?

– Да, конечно, Мар Евлогий! Потому-то я так стремилась посетить Эдессу, первую на земле христианскую столицу.

– Пусть не все, но многие потомки Авгаря были истинными и убежденными христианами, поэтому Осроэна и стала первым в Ойкумене христианским царством, именно на ее монетах впервые был вычеканен крест – символ христианства.

Эгерия записала его слова на своей табличке, с которой никогда не расставалась. Затем все снова вышли в сад и раз-

будили послушника и его ослика.

– Мы пройдем по Главной улице, мимо торговых рядов, – сказал Мар Евлогий юноше, – а тебе не стоит толкаться там с ослом и поклажей, ибо и в христианском городе базар без воров не обходится. Иди к Западным воротам и жди нас там. Дорогу знаешь?

– Знаю.

– Можешь даже выйти за ворота, чтобы ослик твой мог попасться среди колючек, растущих у стены. Только далеко не отходи! Ступай с Богом.

Послушник и ослик ушли вперед, а Эгерия, епископ и все остальные еще раз прошли мимо прудов, сверкавших в облицованных камнем ложах. Огромные карпы подплывали поближе к людям, ожидая подачи, и какое-то время сопровождали их, двигаясь тесными стадами, почти вплотную к берегу, так что бока их порой соприкасались.

– Эти рыбы вызывают совершенно напрасное предубеждение некоторых христиан, – сказал Мар Евлогий, – но это даже и хорошо: больше рыбы достается беднякам, которым зачастую бывает не до особого благочестия. Пруды питаются подземными ключами, вода в них чистая, вкусная и всегда свежая, а потому горожане охотно берут из них воду, не имея на этот счет уже никаких предубеждений, что не слишком логично, но весьма разумно. С самими же прудами тоже связана чудесная история.

На ходу Мар Евлогий поведал еще одно городское преда-

ние: будто бы по молитвам изнемогающих от жажды граждан осажденного язычниками города пруды эти были созданы чудесным образом свыше для снабжения города питьевой водой²⁷.

От прудов двинулись по набережной Дайсана, представлявшей собой главную улицу Эдессы, с одной стороны ограниченную рекой, а с другой – рядами крытых портиков. Под сводами портиков, а также под сенью самодельных шалашиков и навесов располагались лавки торговцев и мастерские ремесленников, работавших зачастую прямо тут же; в тени деревьев вдоль набережной тоже торговали и ремесленничали, здесь же исполняя заказы или продавая свое рукоделие; бедняки же раскладывали свой товар прямо на земле, подстелив под себя и под него старые коврики, а то и просто какую-нибудь дерюжку. Шум стоял изрядный: бодрый стук кузнецов и перезвон ювелирных молоточков, выкрики торговцев и специально нанятых зазывал, рев ослов и вопли их погонщиков.

– Вот здесь, на Главной улице прекрасного вашего города,

²⁷ Нимало не сомневаясь, что множество благочестивых преданий о чудесах Божиих основаны на истинных свидетельствах, в данном случае мы считаем должным привести упоминание сирийской эдесской хроники о том, что в ноябре 201 г. в Эдессе было сильное наводнение, во время которого воды разлившейся реки Дайсан разрушили дворец Абгара Великого и сильно повредили христианский храм, после чего река и была отведена в новое русло, а старое было превращено в городские пруды, на берегу которых был воздвигнут новый царский дворец. Эдесская хроника: пер. Н. В. Пигулевской//Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб., 2000.

уже становится ясно, что Эдесса расположена на Востоке, – сказала Эгерия, с любопытством вслушиваясь в многоязычный гомон толпы, – а вот ваши монастыри и храмы, а также дома, в которых меня принимали, больше напоминают Грецию.

– Так оно и есть, – сказала паломнице София, – ведь Эдесса – перекресток на пути с Запада на Восток, и наша Главная улица тоже часть этого пути.

– До Большого наводнения здесь было еще больше тесноты, толкотни и шума, – заметил епископ. – Когда же Дайсан разбушевался, он вышел из берегов и бурным течением снес все лавки и мастерские вместе с людьми и товарами. Много народу тогда погибло. Чтобы избежать таких бед в будущем, правивший тогда царь Авгарь Тринадцатый приказал, чтобы «все, кто сидят в портиках и работают около реки, от первого месяца года Тишри до месяца Нисан²⁸ не ночевали в своих лавках». И заметь, сестра Эгерия, на самом берегу реки ни лавок, ни мастерских нет: это царь Авгарь приказал, чтобы никто не строился в опасных местах. По совету землемеров и знающих людей была отмечена граница возможного разлива реки, и все строения вынесены за ее пределы²⁹.

– Вот что значит истинно христианский государь! – заметила паломница. Эдесситы переглянулись и приосанились:

²⁸ **Тишри** – октябрь, **Нисан** – апрель: сирийский календарь по названиям месяцев совпадает с еврейским, но год по нему начинается с Тишри, а не с Нисана.

²⁹ Эдесские хроники.

слова паломницы были им приятны³⁰.

* * *

По Главной улице вышли к городской стене. Эдесса была обнесена двойным рядом укреплений: внутренний представлял собой высокую стену, на которой возвышались башни, а перед нею шла стена пониже, так называемый парапет, и между ними находилось крытое пространство, по которому защитники могли перемещаться, не опасаясь стрел осаждающих.

Эгерия записала в своих путевых заметках: «Святой епископ сказал: *“Пойдем теперь к воротам, в которые вошел гонец Анания с тем посланием, про которое я говорил”*. И так, когда мы пришли к этим воротам, епископ, остановившись, произнес молитву, и прочел нам послания, и вновь благословил нас, после чего вторично была произнесена молитва. И еще сказал нам святой, говоря: *“Вследствие этого с того дня, как гонец Анания вошел в эти ворота с посланием Господним, до настоящего дня блюдетсЯ, чтобы в эти ворота не входил никто нечистый и никто в печальной одежде и чтобы через эти ворота не выносили никакого покойника”*»³¹.

³⁰ Осроэна стала полностью христианской, по одним данным, около 150 г. от Р. Х., по другим – между 170 и 214 гг. при царе Авгаре IX.

³¹ См. К источнику живой воды.

Уже пора было Эгерии покинуть город, чтобы успеть на встречу с другими паломниками в монастыре, но ворота оказались закрыты. Епископ спросил у стражников, чем это вызвано.

– По ту сторону ворот стоят войска варваров, – ответил старший стражник.

– Эфталиты! Скорей бежим домой, София! – воскликнула перепуганная нянька, хватая одной рукой Евфимию, а другой дергая за покрывало хозяйку.

– Да не пугайся, матушка! – добродушно сказал стражник. – Эфталиты, слава Богу, еще далеко. Это подошла к городу конница готфов, вызванная вместе с греческим войском на подмогу нашему гарнизону. Греки уже вошли в город, а готфы остановились у реки, чтобы напоить и выкупать коней. Кроме того, готфов как федератов³² должен ввести в город один из Совета десяти³³: таковы обычай и знак доверия.

– Не обиделись бы они на такое проявление доверия! – заметил епископ.

³² Готфам для постоянного расселения на восточных территориях Византии были выделены две области – Фригия и Лидия, называемые федерациями.

³³ Со времен последних ассирийцев в Эдессе правил Совет десяти. Традиции этого Совета были настолько устойчивы, что он пережил македонское и сирийское владычество, царский период, диктат Рима, власть персов, Византии, крестоносцев, господство мусульман... Правил он и в описываемое время в конце IV в. Поразительно, но Совет десяти просуществовал в Эдессе вплоть до 1924 года.

– Они не обидятся: для готфов были уже поставлены шатры за стенами города, но из-за опасности скорой осады решено было их также ввести в город. Они устроили на берегу последний привал и сейчас радостно купаются в водах Дайсана после долгого пути по жаре. А мы ждем посланца от Совета, который встретит их и определит на постой.

– Скажи, чадо, а, до того как закрыли ворота, не выходили из них монашек с нагруженным осликом? – спросил Мар Евлогий.

– Мудрено было не заметить: он преважно предупредил нас, что будет ждать за воротами какую-то знатную паломницу с самого края Ойкумены.

– Эта паломница – я, – выходя вперед, сказала Эгерия. – Может, ты выпустишь меня к нему, чтобы мы могли продолжить путь?

– Мне бы не хотелось задерживать тебя, достопочтенная паломница, но приказ есть приказ: велено никого не впускать и не выпускать через ворота до тех пор, пока все готфы не войдут в город. Но ты не беспокойся, я уже вижу, что к нам направляются начальник гарнизона и член Совета десяти: сейчас они прикажут отворить ворота и пойдут за готфами. Владыко, – обратился он к епископу, – я советую вам всем подняться на стену, чтобы уступить дорогу коннице: будет нехорошо, если вы встретитесь с нею на дороге или на мосту.

– Спасибо, мой друг, мы так и сделаем.

Стоя на стене, Мар Евлогий, Эгерия и все остальные с любопытством смотрели, как готфы, подбадриваемые криками командиров, выходили из воды, быстро седлали лошадей, надевали кольчуги и шлемы, подвязывали на ногах калиги³⁴, подбирали с песка оружие и щиты и строились в колонну.

– Крепкий народ эти варвары, – сказала Фотиния. – Такие все старики, а мускулы у них, смотрите-ка, прямо как у молодых!

Со стены вроде и не было видно, молоды готфы или стары, поэтому все удивились словам Фотинии, но спорить с нею никто не стал – себе дороже.

Но вот конница была построена, военачальник отдал команду, и готфы двинулись через мост. Первыми ехали верхом два архонта³⁵, один на гнедой лошади, другой на вороной. Конский топот, звон оружия, поднятая копытами пыль... И вот первые ряды остановились перед воротами, где их ждал начальник гарнизона Эдессы.

– С чего это ты взяла, нянюшка, что они все старики? – спросила София, разглядывая сверху готфов.

³⁴ **Калиги** – воинская обувь. Толстая подошва сандалий была покрыта шипами. Переплеты ремней часто доходили до колен. Калиги были хорошо приспособлены для длительных переходов.

³⁵ **Архонт** – эквивалент сегодняшнему общему понятию «офицер».

– Да вы поглядите, у них же не только волосы, но и бороды почти у всех седые!

– Это не седина, матушка Фотиния, – учтиво, но с улыбкой сказал Товий. – У готфов с рождения такие волосы – желтые, почти белые. Они же северяне.

– Взгляните-ка, а глаза у многих синие или голубые, – заметила Мариам.

– Тьфу, мерзость какая! – плюнула Фотиния. – И не смотрите на них, девушки: голубой глаз порчу наводит!

Но девушки только рассмеялись, а епископ укоризненно покачал головой:

– Это какой такой порчи боится благочестивая христианка Фотиния? – спросил он старую няньку с нарочитой суровостью. Та смутилась и умолкла, застенчиво прикрыв лицо краем покрывала, немало удивив всех несвойственной ей скромностью: но перед епископом Фотиния благоговела, как и прочие эдесские старушки.

А девушки продолжали с любопытством разглядывать варваров под стеной. Архонт, ехавший на вороном, вдруг поднял голову, посмотрел вверх и кивнул на них товарищу:

– Ты посмотри, какие птички там, на стене!

Второй готф, сидевший на гнедом коне, тоже поднял голову и уставился на девушек. А первый продолжал:

– В этом городе, похоже, служить будет не скучно! – и он весело помахал девушкам рукой. Они тотчас отпрянули от парапета.

- Робкие птички, – заметил его приятель. – А глаза, ну что за чудные глаза – прямо черный янтарь!
- Экие цветистые у тебя сравнения, Аларих! Сразу видно, начитался ты греческих поэтов.
- Будто бы ты их не читывал, Гайна!
- А Евфимия в то же самое время шепнула подружке:
- Посмотри, Мариам, какие синие глаза у того, что на гнедой лошади, они как два василька в золотой пшенице!
- Какое удачное сравнение: у красивого готфского кентавра глаза-васильки!³⁶ Тебе надо писать стихи, подружка!
- Куда мне, Мариам! Я васильки могу только вышить или выткать, но никак не описать стихами.
- И правильно, ласточка: незачем девушке стихи писать! Стихи хороши только церковные, а в церкви девушка должна молчать, – вмешалась уже оправившаяся от смущения нянька Фотиния.
- Когда она не поет! – весело добавила Мариам.
- И все же варвары не так безобразны, как мы привыкли думать, – сказала Евфимия.
- Ага, есть в них какая-то варварская красота! – лукаво добавила Мариам.
- Перестаньте вы, девушки, глупости болтать! Варвары красивыми не бывают! – прикрикнула на нее Фотиния. – И

³⁶ Игра слов. Греческое название василька «кентавров цветок» связано с мифом о кентавре Хироне, излечившем настоем васильков рану, нанесенную ему воспитанником Гераклом.

глядеть на них не надо, и себя показывать им не след! Закройте-ка личики, нечего всякой солдатне на вас глазеть!

Девушки послушно спрятали лица за тонкими покрывалами, а Фотиния украдкой перекрестила обеих – от сглаза, должно быть.

* * *

Так они и стояли на стене, пока последний готф не вошел в город, после чего все спустились вниз и вышли за ворота вместе с сестрой Эгерией. Насмерть перепуганный послушник-проводник стоял, прячась в зарослях чертополоха вместе с осликом: он тоже подумал, что в город вошли эфталиты, только не мог понять, почему же им открыли ворота и впустили без боя? Ему очень хотелось убежать и увести ослика, а ну как эти варвары жрут ослитину? Однако без Эгерии уйти он никуда не мог, это означало бы нарушить послушание. Так он и сидел в кустах, вздыхая, терзаясь и колеблясь между страхом и долгом. Но вот он увидел паломницу выходящей из ворот и радостно бросился к ней. Эгерия посмеялась его страхам и объяснила, что это пришли не враги, а защитники. Но он все равно торопил ее: «Эфталиты или готфы, а все одно от них лучше держаться подальше! Давайте уж пойдем поскорее в монастырь, там нас давно ждут!» Пришлось провожающим проститься с чудной паломницей и вернуться в город, а Эгерия села на ослика и потихоньку,

то и дело оглядываясь на стены города и крестя его на прощание, поехала через мост, вслед за торопливо шагающим проводником.

* * *

— Какой сегодня был длинный, интересный и удивительный день, мама, — сказала Евфимия, переплетая на ночь косы. — Но так хочется спать!

— Вот и ложись, моя усталая ласточка, — ласково сказала София, обнимая и крестя дочь на ночь. Самой ей еще надо было отдать на завтра распоряжения кухарке и служанкам, хотя больше всего ей хотелось поскорей добраться до постели и уснуть: да, день сегодня был длинный и столь насыщенный событиями, что даже и она, обычно неутомимая, изрядно устала...

Но день еще не кончился. От ворот прибежал сторож и сказал хозяйке, что к ней явился стратилат³⁷ Аддай и просит принять его по срочному делу.

Городом Эдессой помимо царя управлял Совет десяти — ему подчинялись чиновники, а военными делами управ-

³⁷ **Стратилат** (греч.) — основное значение «воевода», «военачальник». Однако это наименование не всегда поддается точному определению. В Византии это мог быть и титул, и должность, как правило военная, но, тем не менее, стратилат зачастую нес функции гражданского управления, следил за порядком во вверенном ему административном центре, области или городе.

лял стратилат; вот он и посетил Софию, чтобы сообщить ей неприятную новость. В связи с тем что стоящий в городе гарнизон пополнился готфами, на многих граждан, доселе по тем или иным причинам освобожденных от воинского постоя (София была освобождена от этой повинности и как вдова, воспитывающая дочь, и как уважаемая служительница церкви), отныне тоже распространяется эта всеобщая повинность, и ей придется принять на постоя прибывших на подмогу готфов.

София твердо решила ни за что на эту повинность не соглашаться. Она давно и близко знала стратилата Аддая, всеми в городе уважаемого человека. Она приняла его в атриуме, велела служанкам принести вино и фрукты для гостя, надеясь в беседе склонить его на свою сторону. Гость от вина и фруктов отказался, хотя присесть соизволил.

– Госпожа София! Ты знаешь, какими близкими друзьями мы были с твоим покойным мужем, купцом Фотием, и догадываешься, что я никогда не решился бы потревожить твой дом, если бы не крайняя необходимость. Я и пришел к тебе, госпожа, по поручению Совета, чтобы напомнить о хрисагире³⁸.

– Господин Аддай, – начала София, – я уже шесть лет как стала диакониссой, за это время я трижды выплатила хрисагир со своего имения и с лавок, оставленных мне мужем. А

³⁸ **Хрисагир** – особый византийский налог, собиравшийся с богатых граждан на содержание государственных служб и войска. Существовал до конца VI в.

между тем в законе сказано, что от уплаты хрисагира освобождаются «врачи и всяких наук учителя»: не относятся ли обучающие молодежь Слову Божию диакониссы к учителям?

– Несомненно, относятся, дорогая госпожа София, какая же наука выше богословия и какая школа важнее катехизации? И я обещаю поговорить в Совете о том, чтобы впредь внести твое имя в списки освобожденных от хрисагира граждан Эдессы. Но подати на содержание армии, да еще во время военных действий... Это нечто совсем другое, согласишься.

– Я понимаю, враги под стенами города, – сказала София и опустила голову.

– Да, но это только одна из причин, та, что лежит на поверхности. Мы решили, с одобрения Совета десяти, готфскую часть гарнизона разместить прямо в городе, а не за его стенами, как первоначально намеревались, якобы опасаясь столкновений между горожанами и готфами, зная о разнuzданном поведении готфов в других городах. Но истинная причина в ином, и я ее от вас не скрою: некоторое время назад готфы одной из частей в Риме взбунтовались, требуя прибавки жалования для солдат и почестей для своих начальников, что вылилось в кровавое побоище между готфскими и ромейскими³⁹ частями войска. Мы хотели избежать повторения римских событий в Эдессе, а потому лагерь готфов должен был остаться за стенами, но эфталиты подошли слиш-

³⁹ **Ромеями** называли себя все граждане Византии, если не имели нужды особо подчеркнуть свое происхождение.

ком близко к Эдессе, и было решено, что все войско должно быть сосредоточено в городе, чтобы ни одна часть его не оказалась отрезанной в случае осады. Потому было найдено мудрое решение: днем держать готфов в казарме и занимать военными учениями, а на ночь распределять по домам самых надежных горожан, причем в каждом доме не более пяти воинов. Госпожа София, поверь, я всеми силами пытался избавить тебя от этакой чести, но единственное, что мне удалось, это добиться, чтобы к вам определили на постой только двух готфов-архонтов. Их имена Аларих и Гайна, оба на вид люди образованные и приличные, оба говорят на греческом и арамейском, но главное их достоинство заключается в том, что они христиане. Надеюсь, ты сумеешь их разместить так, чтобы они и тебе не докучали, но и на условия постоя не жаловались.

– Я слыхала, что по правилам постоя хозяева должны обеспечить воинов кровом, хлебом, топливом и одним матрацем на двоих. Это так?

– Да, именно так. Причем воины не вправе выбирать для себя помещение: это может быть даже конюшня или кладовая.

– Ну зачем же занимать конюшню... А не будет для архонтов обидой, если я размещу их не в доме и не в примыкающих к нему строениях, а в маленьком садовом домике, стоящем на отшибе? Он расположен в той части нашего сада, что отгорожена от главного дома стеной и имеет отдельный

выход на улицу, — сказала София. — Домик я распоряжусь благоустроить, и матрац каждый из готфов получит свой, отдельный, причем разложат их не на полу, а на топчанах. И вдобавок я велю, чтобы кроме хлеба по утрам им доставляли еще и горячую пищу — ту, что едят наши слуги, — и свежую воду, а по воскресеньям — кувшин вина. Фрукты же им будет позволено рвать в саду по желанию.

— Я всегда восхищался твоей спокойной мудростью, госпожа София, и тем, как ты управляешь всем домом, — поднимаясь, сказал стратилат. — Постояльцы прибудут завтра вечером после гарнизонной службы и обычных войсковых учений и надеюсь, они не причинят ни тебе, ни домочадцам особых хлопот.

— На все воля Божия, стратилат Аддай, — склонила голову София.

— Да будет так! — сказал, вставая, стратилат. — Еще один вопрос, госпожа София. Не остались ли у тебя походные шатры мужа?

— Шатры? — удивилась София. — Нет, все, с чем Фотий ходил в торговые походы, шатры и лошади, все было продано или роздано мною после его смерти вместе с оставшимися товарами. Разве что несколько старых палаток, которые собирались починить, да так и не собрались, лежат в сарае без употребления. Они тебе могут понадобиться?

— Не мне — беженцам, — коротко ответил стратилат.

— Город ждет еще беженцев?

– Ждать не ждем, но они могут появиться внезапно: далеко не все крестьяне бросили хозяйство и заранее укрылись в городе, вот как раз самые крепкие и зажиточные из них держатся до последнего за свое хозяйство, надеясь, что эфталиты не решатся на осаду. Так я пришлю к тебе завтра кого-нибудь за палатками?

– Присылай.

Стратилат распрощался и ушел. А София отдала распоряжение своей домоправительнице Елене приготовить с утра садовый домик для воинов-постояльцев и, переложив прочие заботы на завтра, помолилась и легла спать со спокойной душой. Она еще не знала, что этим вечером для нее с дочерью надолго прервалась прежняя безмятежная жизнь.

Глава третья

По будням София ходила с утра на службу не в кафедральный собор, но в маленькую церковь на своей же улице, скорее даже не церковь, а часовню над гробницей с мощами святых мучеников Самона, Гурия и Авива, что было не столько удобно для нее, сколько приятно ее душе. Как и все жители Эдессы, она гордилась святыми мучениками, но не только: сама не ведая, по какой причине, она как-то особенно тепло любила их – двух мужественных и верных Христу братьев Самона и Гурия, таких дружных и любящих друг друга, и повторившего их подвиг совсем молодого диакона Авива⁴⁰..

Фотиния идти на литургию с Евфимией и Софией отказалась, сославшись на головную боль. Но когда, отстояв службу и причастившись, София с дочерью возвратились домой, им навстречу из дома вышли служанки, неся в обеих руках тюфяки, покрывала и корзины с посудой. Они доложили хозяйке, что Фотиния отправилась в сад и там хлопочет над устройством пристанища для архонтов-готфов, определенных к ним на постой, а они ей помогают.

– С чего это она решила проявить такую заботу о варварах, не предоставив эти хлопоты Елене? – удивилась Со-

⁴⁰ По-сирийски их имена звучат Шамуна, Гурия и Хабиб. Жития святых мучеников даны в Приложении 1.

фия. – На нее это не очень похоже – надо пойти взглянуть!

Дом Софии был окружен высокими тенистыми деревьями, декоративными кустами и множеством цветов, преимущественно роз, а большой фруктовый сад был отделен от главного двора стеной в человеческий рост; из сада выходили две калитки: одна к дому, а другая на соседнюю улицу. Через сад протекал ручей, образуя в центре сада небольшой круглый пруд, и неподалеку, на краю дорожки, под раскидистым орехом стоял садовый домик, сложенный из грубо обтесанного камня и беленный известью, – тот самый, в котором решено было устроить готфов. Туда и направилась София в сопровождении нагруженных служанок.

Фотинию она увидела перед окном домика, выходящим на ведущую к дому дорожку. Она стояла, уперев руки в бока и поджав и без того тонкие сухие губы, и сердито разглядывала окно. Перед нею стоял парнишка Саул, ее племянник, сын умершей сестры, которого она с утра до ночи гоняла, поучала и заставляла делать несложную мужскую работу по дому: прибить, починить, отнести – принести. Вот и сейчас в одной руке Саул держал переносной ящик с плотничным инструментом, а на земле перед ним лежало несколько коротких досок: похоже, Фотиния задумала забрать досками окно садового домика, выходящее в сторону большого дома.

– Фотинюшка, и что это ты тут расхлопоталась? – спросила София. – У тебя же голова болела, ты даже литургию сегодня пропустила.

– А она у меня и сейчас болит – обо всем и за всех! Ты-то вот о чем думала, когда согласилась взять на постой диких варваров?

– Они пришли нас защищать, нянюшка, – сказала София, – не заставляя же их жить в палатках под стеной.

– Твое дело в первую очередь защищать родное дитя от похотливых мужских глаз! – отрезала Фотиния. – Защищать они нас пришли... Мало, что ли, воровства и всякого другого нечестия видел наш город от диких наемников?

– Они не дикие. Готфы первыми из варварских племен уверовали в Иисуса Христа, они такие же христиане, как и мы.

– Это ты так думаешь! – фыркнула Фотиния. – Ты что, им устраивала экзамен по катехизации?

– Так Мар Евлогий сказал вчера на проповеди.

На это Фотиния возразить уже ничего не решилась и обратила гневный взор на племянника:

– Ну и чего ты стоишь, как молодой осел, развесив уши? Доски-то правильно отмерил?

– Ты же сама их отмеряла, тетка Фотиния...

– Ну тогда, значит, правильно.

– И что же это ты тут затеяла? – улыбаясь, спросила София.

– О девочке нашей забочусь, вот что... Конечно, в сад ей выходить теперь нельзя, и ты ей это сегодня же запрети строго-настрого. Захочет девочка мушмулы – я сама наберу и

принесу в корзинке. Не хватало еще, чтобы на нее варвары глаза пялили! А чтоб они даже случайно ее не увидели, окно это надобно заколотить, ведь из него второй этаж дома виден. А изнутри я прикажу на эту стену еще и ковер повесить! Самый толстый и ворсистый!

– Предусмотрительная ты моя старушка, – ласково сказала София, обнимая Фотинию и целуя ее в коричневую морщинистую щеку. – Ну что ж, может, это и разумно. Я слышала, что наши постояльцы не только христиане, но и образованные люди, однако береженого Бог бережет.

– Эй, ты что ж это делаешь, Саул? – закричала вдруг Фотиния на племянника, который тем временем уже прибил первую доску и теперь прикладывал к ней вторую. – Ты как доски собираешься класть?

– Как ты велела – плотно, чтобы щелей не осталось.

– Так внахлест надо класть! Если же их просто впритык прибивать, то как ни старайся, а для хитрого глаза щелочка всегда отыщется! Дай покажу, как надо.

Она взяла у юноши молоток, гвозди, приладила доску «как надо», – и ударила мимо гвоздя по пальцу.

– Ой! – закричала она. – Замуж, замуж пора давно!

– Да ты что, тетка Фотиния! – рассмеялся Саул. – Да кто ж тебя замуж возьмет, такую старую и ворчливую?

– Да я не про себя, дурень! – замахнулась на него молотком старушка.

– А про кого же? – деланно удивился Саул, бережно, но

решительно отбирая у нее молоток.

– Про девочку нашу, про Евфимию...

– А что это ты так торопишься ее с рук сбыть, Фотиния? – спросила, улыбаясь, София. – Девочка наша пока не перестарок.

– А потому, что в народе правильно говорится: когда виноград собран, виноградник и сторожить не надо! Да и вовсе не собираюсь я с рук ее сбывать – уж я-то всяко не расстанусь с моей голубкой. Ты не забыла, София, что обещала меня к ее приданому приписать, если жених мне по вкусу придется?

– Помню, помню! Иди-ка ты поддержи палец в холодной воде, не то распухнет.

– А кто тут за всем приглядит?

– Да что тут особо приглядывать? Постояльцы наши люди военные, им особых удобств не надо.

– Стану я еще об их удобствах беспокоиться, да тьфу на них! Я про то, что изнутри окно надо еще ковром завесить и ковер плотно к стене прибить. Понял, Саул?

– Понял, понял. Иди, тетушка, охлади палец, да и сама охладись. Справлюсь я тут как-нибудь.

– А мне как-нибудь не надо, мне надо как следует! – все еще не могла уgomониться Фотиния.

Девушки, убиравшие в домике, еле сдерживали смех, слушая ворчание старой няньки, но вслух они рассмеялись, только убедившись, что она скрылась за высокой стеной сада. Но Фотиния тут же и вернулась и закричала из калитки:

– Саул! Когда закончишь с окном, забей накрепко и эту вот калитку!

– Фотиния, помнись! Как же мы будем ходить в сад за фруктами? – попыталась ее образумить София.

– А в обход, через улицу!

Но и София умела быть непреклонной:

– Вот уж нет, нянюшка! В городе сейчас девушкам гулять опасно, так не взаперти же целыми днями сидеть Евфимии? Днем наши постояльцы будут на службе, и в это время вы сможете с нею гулять в саду. А в остальное время калитка будет на запоре, и ключ от нее мы доверим, конечно, тебе, надежная ты наша.

Фотиния, может, и хотела бы еще поспорить, но София развернулась и шагнула за порог садового домика: обижать старушку ей не хотелось, в конце концов, та ведь о Евфимии заботилась. Даже сам Мар Апрем говорил о том, что имеющие в доме молодых девушек должны их беречь и готовить к честному супружеству.

* * *

Примерно через час готфы в сопровождении раба, ведущего в поводу коней, нагруженных большими переметными суммами, явились на постой в дом Софии. Услышав об их приходе, Фотиния схватила за руку Евфимию и скорыми шагами увела ее по лестнице, ведущей из атриума на галерею

второго этажа, а оттуда – в их комнаты. Евфимия занимала просторную светелку с большим окном, выходящим в сад, а Фотиния жила в прихожей, отделявшей комнату девушки от коридора. В проходной этой комнатке помещались: у одной стены узкое ложе с иконкой над ним, изображавшей встречу Спасителя с самарянкой у колодца, светильник на высокой кованой подставке в углу да накрытый ковриком сундук у другой стены. Никто – ни человек, ни зверь – не мог бы проникнуть в комнату Евфимии, минуя лежащую на страже Фотинию.

– Сиди у себя и не высовывайся! – строго приказала нянька подопечной, а сама спустилась вниз поглядеть на варваров и послушать, о чем они будут говорить с хозяйкой.

Готфы вели себя вполне пристойно и вежливо. Они представились Софии, назвались и, узнав, что домик, назначенный им для проживания, уже приготовлен и находится в саду, а вход у них будет свой, особый, с другой улицы, не обиделись, но, кажется, даже обрадовались, что будут жить отдельно от хозяев. Они только спросили, есть ли запор на двери дома, поскольку захватили из казармы все свое имущество. София ответила, что на двери дома есть засов и замок к нему, и тут же выдала им ключ от него. Готфы ей показались неопасными, особенно после того, как один из них спросил, есть ли поблизости церковь.

– Совсем недалеко от нас, на соседней улице, стоит церковь святых мучеников Самона, Гурия и Авива. Но отсюда и

кафедральный собор Святой Софии недалеко, – уже с улыбкой ответила София. – А я в нем диаконисса.

Оба архонта почтительно склонили головы.

София осталась довольна: она слышала, что некоторые готфы являлись приверженцами арианской ереси, но к ее постояльцам это не относилось.

Евфимия, не сдержав любопытства и пользуясь отсутствием еще более любопытной Фотинии, тихонько вышла из своей комнаты, прокралась на галерею над атриумом и оттуда украдкой наблюдала встречу матери с постояльцами.

Поблагодарив хозяйку за гостеприимство, архонты вышли. София отправила Фотинию поручить Саулу, чтоб показал им их жилище.

Евфимия тотчас ласточкой слетела с галереи.

– Мама, ты его узнала?

– Кого из них, доченька? Их было двое.

– Ну, того, который повыше ростом. Это же тот самый варвар, которого мы видели со стены, когда стояли над Западными воротами! – сказала Евфимия.

София взглянула на дочь, и сердце ее тревожно дрогнуло, потому что глаза Евфимии сияли как звездочки.

* * *

Готфы в сопровождении Саула вышли со двора на улицу, кликнув с собой раба, принадлежавшего Алариху и до-

жидавшегося их с конями перед домом, переулком обошли усадьбу, вышли на улицу с другой стороны дома и подошли к калитке сада. Саул отпер ее и по дорожке провел их к садовому домику под ореховым деревом. Злополучное окно было уже не только заколочено досками, но даже и сами доски побелены, чтобы не выделялись на стене.

– Вот тут вы и будете жить! – сказал парнишка, покосившись мимоходом на свою работу.

Готфы вошли в свое временное жилище и остались весьма довольны его убранством. Саул показал им, где что находится, вручил ключи от дома и от калитки на улицу и удалился.

Раб Авен, седой, кряжистый и на вид все еще очень сильный старик, внес разом все четыре переметные сумы и сложил их в углу, после чего по приказу хозяина удалился вместе с конями.

– Повезло нам! – сказал Гайна, оглядываясь. – Если у нас появятся подружки, легко будет провести их прямо сюда.

– Не знаю, найдешь ли ты себе подружку в столь благочестивом городе, – заметил Аларих. – Тут в каждом переулке если не церковь, то часовня.

– Где преизобилует благодать, там и грех неподалеку, брат мой Аларих! – елейным голосом пропел Гайна, и оба рассмеялись.

Наскоро устроившись, офицеры-готфы заперли домик на висячий замок и тоже отправились следом за Авеном в казармы.

Первый день в Эдессе был для друзей-готфов хлопотным: надо было разместить воинов и лошадей, познакомиться с начальством местного гарнизона, нанести визит местным властям, позаботиться о съестных припасах и фураже, поэтому к вечеру оба изрядно устали и едва доплелись до своего нового пристанища. На столе в домике их ждал большой кувшин шербета, в котором плавали кружочки свежей мушмулы, и свежие лепешки с двумя большими кусками овечьего сыра. Они поели, выпили по кружке шербета и улеглись на свои тюфяки.

– Все хорошо, но душно-то как!

И в самом деле, хотя домик и стоял под тенистым орехом, за жаркий день стены его нагрелись, а небольшое окно, хотя Гайна и распахнул настежь его деревянные ставни, почти не пропускало свежего воздуха.

Готфы, воины мужественные и закаленные, могли спать на холодеющем ночью песке пустыни, на голом камне или мокрой земле близ болота, в палатках и под открытым небом, но вот духоты они оба не любили.

– Пойду-ка я взгляну, нельзя ли нам устроиться в саду под деревьями, – сказал Гайна и вышел за дверь.

Обойдя дом, он вернулся и сказал другу:

– Можно устроить ночлег в саду на берегу пруда, но мож-

но поступить и проще: я обнаружил, что в доме есть еще одно окно, только оно заколочено. Вот тут оно, за этим ковром. Снимем ковер и откроем его?

— Не стоит. Пока ты ходил осматривать сад, я тоже времени не терял и обнаружил, что отсюда есть лаз на крышу. Если хозяева заколотили окно, значит, им это зачем-то понадобилось, и не стоит наводить тут свои порядки. При случае мы спросим у хозяйки разрешения открыть его, а пока давай-ка проверим ход на крышу.

Аларих встал под квадратным лазом и сцепил руки за спиной. Более легкий Гайна вскинул ногу на его сцепленные руки, оттуда ступил на плечи друга, а дальше все оказалось совсем просто: руки его уперлись в крышку лаза, легко откинули ее, и одним движением мускулистого тела он перекинул себя на крышу.

— Да тут просто роскошное место для сна! — воскликнул он. — Здесь и лестница имеется, сейчас я спущу ее тебе.

Лестница была опущена в комнату, и по ней на крышу домика вмиг были подняты постели друзей. Они улеглись под ветвями ореха, как в густой беседке.

— Вот это благодать! — блаженно вздыхая, сказал Гайна, когда они лежали на тюфяках, укрывшись легкими покрывалами. — М-м, какой воздух! Жаль только, что орехи еще не спели.

— Зато спела мушмула...

— Утречком проверим... Лишь бы не было дождя и мос-

КИТОВ.

– Знаешь, Гайна, я думаю, что нам тут даже и дождь не страшен, – уже сонным голосом ответил Аларих. – А о москитах не беспокойся: под ореховыми деревьями москиты не летают, их отпугивает запах листьев.

– В самом деле? Ну тогда спокойной ночи, друг!

– Хороших снов на новом месте, Гайна!

* * *

– Как твои гости, голубка? – спросил в воскресенье Мар Евлогий Софию. – Не докучают они вам?

– Мы их и не видим, владыко: уходят они в казармы на рассвете и возвращаются поздно вечером, а то и ночью, когда мы уже давно спим, ведь они оба офицеры. Выходных у воинов, похоже, не бывает, так что мы живем спокойно, слава Богу. Даже Фотиния больше не требует, чтобы калитка, ведущая в сад, была заколочена. Наступили жаркие дни, и она сама с удовольствием проводит время в саду вместе с Евфимией и даже разрешает ей купаться в пруду. Правда, сама в это время стоит на страже и следит, чтобы никто не проник в сад.

– Вот и прекрасно. Дай Бог, чтобы так и дальше продолжалось: готфы не шастали бы по городу, персы не приближались к нему, а варвары-эфталиты отошли от него подальше.

Тревожно стало жить в христианской многоцерковной Эдессе, осиянной и по сию пору спасаемой чудотворным Спасом-на-убрусе: угнетенные и перепуганные жители часто собирались у Западных ворот и молились Христу, чей Образ некогда освящал именно эти ворота. И пусть чудесная святыня пребывала где-то под спудом, спрятанная некогда самими жителями от язычников, эдесситы верили, что она и оттуда, из тайного места, охраняет их город, и зывали на этом, священном для них месте, к Спасителю, прося Его о помощи.

Эфталиты пока к городу не приближались, поджидая основное персидское войско, застрявшее на восточном берегу Евфрата, но они засели в окружающих Эдессу холмах, и вечерами белесый дым их костров был особенно заметен на фоне темно-синего, усыпанного яркими звездами неба. Эта угроза пугала жителей и раздражала воинов, и тогда военным советом решено было начать ночные вылазки. Как и следовало ожидать, этим занялись не регулярные войска, и уж тем более не малочисленный постоянный гарнизон Эдессы, а отряды готфов, чьим военным ремеслом как раз и была разведка. Они стали небольшими группами уходить в сумерках и возвращаться глубокой ночью, несколько раз приводя с собой захваченных в плен эфталитских воинов.

Однажды, вернувшись из такой вылазки уже под утро, Аларих и Гайна, сдав захваченных пленных начальству, отпросились отоспаться и больше в этот день в казармы не возвращаться, что и было им разрешено.

Они крепко спали в тени ореховой кроны на крыше садового домика, когда Гайна проснулся, разбуженный, как он подумал спросонья, птичьим пением: только вот птицы почему-то, как он понял, прислушавшись, мелодию сопровождали словами! А пели они, как ни странно, что-то очень знакомое.

Гайна подполз к Алариху и потряс его за плечо:

– Тс-с-с! Проснись, но не шуми! Ты погляди, друг, какие к нам птички прилетели! Только осторожно, не испугни...

Они оба приподнялись и осторожно раздвинули густые и ароматные ветви ореха.

На берегу пруда, под невысокой, но тенистой ивой, свежившей светло-зеленые пряди листвы в воду, на коврике расположились трое. Две девушки, это были Евфимия и ее подруга Мариам, сидели и пели, причем Евфимия подыгрывала на самбуке⁴¹, а рядом с ними, свернувшись калачиком, дремала или спала под сладкую музыку нянюшка Фотиния.

Девушки пели:

⁴¹ **Самбука**, или **самбика**, – древний ближневосточный струнный музыкальный инструмент, известный с вавилонских времен, имел выпуклый корпус и гриф с ладами.

*...Встану я, обойду-ка я город
по улицам и переулкам,
поищу любимого сердцем.
Я искала его, не находила.
Повстречала тут меня стража,
обходящая город:
«Вы любимого сердцем не видали ль?»
Едва лишь я их миновала,
как нашла любимого сердцем.
Я схватила его, не отпустила,
привела его в дом материнский,
в горницу родимой.
Заклинаю вас, девушки Иерусалима,
газелями и оленями степными: —
не будите, не пробуждайте
любовь, пока не проснется⁴².*

- Песнь песней! – узнал наконец Гайна.
- Ну до чего же хороша! – прошептал Аларих.
- Песня?
- Да нет, девушка!
- Полненькая?
- Да нет! Та, что с самбукой... Она прекрасна, как утренний сон... И мне почему-то кажется, что где-то я ее уже видел. Неужели и правда во сне? Ты веришь в вещие сны, друг?
- Гайна захихикал, прикрывая рот рукой.

⁴² «Песнь песней Соломоновых» приводится в переводе И. Дьякова.

– Эх ты, а еще знаменитый в легионе разведчик! Мы же их обеих видели на стене, когда входили в город! И старушка тоже была с ними...

– А ведь верно! Как же я ее сразу не узнал?

– Старушку? – ехидно уточнил Гайна и получил несильный, но вразумляющий тычок. Он уткнулся лицом в подготовный валик, чтобы заглушить смех.

К сидевшим девушкам подбежал паренек с корзинкой спелой мушмулы.

– Нянюшка, просыпайся! Саул набрал нам мушмулы: смотри, какая спелая! – сказала Евфимия, отложив в сторону самбуку.

– Подумаешь, мушмула! – недовольно сказала старушка, садясь и заглядывая в корзинку. – Мне бы, старенькой, хотя бы крохотный кусочек мяска пожевать...

– Мне тоже так мяса хочется, что зубы чешутся! – пожаловалась Мариам.

– Надо терпеть, где же теперь взять мяса? – рассудительно проговорила Евфимия. – Крестьяне больше не заходят в город, боятся персов и эфталитов: те могут появиться под стенами города совсем неожиданно, как это бывает на войне. Пока они, слава Богу, не приступают вплотную к Эдессе. Хорошо, что у нас есть хотя бы рыба.

– Из языческих прудов, посвященных идолу, демонице Иштар, – проворчала старушка. – Пойдемте, девушки, в дом, а то уже припекать начало!

Девушки поднялись, старушка свернула коврик и вручила его племяннику. Гуськом они отправились к стене, отделяющей дом от сада, отворили калитку и скрылись за ней.

– И под лучами жаркого солнца, словно сон, растаяло прекрасное видение! – с пафосом произнес Гайна, снова привольно раскидываясь на постели.

– Давай в воскресенье пойдем на службу в городской храм? – предложил вдруг Аларих.

– Чем это тебе наша церковь в крепости не угодила? – удивился Гайна.

– Хор не нравится. В кафедральном соборе, слышал я, поют девушки, а наша хозяйка служит в нем диакониссой...

– Ну, все понятно! – засмеялся Гайна. – Что ж, я не против.

* * *

В воскресенье оба готфа явились в кафедральный собор, скромно встали в сторонке, отстояли всю службу и причастились со всеми. Но на трапезу их почему-то никто не догадался пригласить, так что они вдвоем покинули храм и вернулись в свой садовый домик. На столе их ждал поднос, на нем горшок каши, две большие лепешки и кувшин с фруктовым напитком – их обычный завтрак, доставляемый Саулом. Надо сказать, что не все хозяева, у которых стояли на постое воины-готфы, отличались таким же хлебосольством:

большинство из них ограничивалось положенными по указу лепешкой в день да кувшином воды. Похвалив щедрость хозяйки, Гайна, насытившись, улегся отдыхать на топчан.

– Ты чего опять разлежся? – спросил его Аларих. – Вставай! Я придумал, как нам познакомиться с девушками, и даже нашел путь к сердцу их бдительной и отнюдь не беззубой церберши!

– Да ну?

– Представь себе. Но нам придется совершить небольшую тайную вылазку в окрестные леса.

– На разведку?

– На охоту.

В тот же день, ближе к вечеру, Аларих и Гайна, пропотевшие, запыленные и усталые, каждый с холщевым мешком за спиной и луком на плече, постучали в калитку дома Софии. Им открыл сторож, но внутрь их не впустил.

– Хозяйки нет дома. Что угодно достойным воинам? – спросил он, встав в проеме калитки с весьма негостеприимным видом и упершись руками в столбы.

Но готфы и не собирались прорываться внутрь с боем: они опустили перед ним оба мешка и сказали:

– Передай это своей хозяйке и скажи, что архонты Аларих и Гайна благодарят ее за постой.

После чего развернулись и бодро удалились. Удивленный сторож на всякий случай развязал мешки и заглянул в них: в одном лежало несколько фазанов, а в другом – завернутые в

листья куски мяса, судя по виду, дикой козы или лани. Ликуя, он подхватил мешки и помчался к дому, не забыв, однако, перед тем накрепко запереть калитку.

* * *

Когда совсем стемнело, в садовый домик постучался Саул.

– Госпожа София приглашает вас на ужин, – сказал он выглянувшему Гайне. – Можете идти прямо за мной, мы пойдем через внутреннюю калитку!

А вот этого приглашения Аларих и Гайна как будто ожидали: оба уже успели искупаться в пруду и даже вымыть свои короткие светлые волосы, отчего те завились у обоих блестящими крутыми кудрями, и переодеться в чистые туники и легкие плащи, явно предназначенные не для боя, а для парадных случаев; панцири и шлемы они, конечно же, тоже надели, предварительно начистив их до полного сияния.

Готфы сразу же последовали за Саулом.

В атриуме, где уже стояли накрытый к ужину стол и кушетки вокруг него, их встретили София и специально приглашенный на ужин родственник, дядюшка Софии, купец Леонтий. София поблагодарила постояльцев за щедрый дар, а купец поинтересовался, как им удалось раздобыть мясо и дичь в такое голодное время.

– Разве варвары не обложили город? – спросил он, глядя

на них из-под лохматых седых бровей.

– Обложить-то они его обложили, но пока не подступают к самым стенам, так что при известном умении и везении можно и выйти из Эдессы, и вернуться обратно, – ответил Аларих.

Ни Евфимии, ни подружки ее Мариам за ужином, конечно, не было, но готфы, казалось, этим ничуть не были огорчены, будто и не надеялись на встречу с девушками. А вот старая нянька за столом присутствовала.

Готфы чинно беседовали с купцом и хозяйкой, коротко и без всякого хвастовства рассказали о своей охоте, а затем перешли к новостям. Персы еще не подошли к городу вплотную, стояли за Евфратом, но эфталиты, поджидая их, тайлись за ближними холмами, и вот их-то и следовало опасаться в первую очередь.

– Расскажите нам что-нибудь про эфталитов, – попросила София. – По городу о них такие странные и страшные ходят слухи, что просто оторопь берет!

– Да что о них особенно рассказывать? Дикари... – пожал плечами Гайна.

– Ну не скажи, друг Гайна! Эфталиты, конечно, настоящие дикари, но даже самые опытные наши воины с подобными дикарями пока не встречались. Во-первых, толком даже неизвестно, откуда они появились.

– Это верно, друг Аларих! – согласился Гайна. – Пришли они в эти края вместе с персами, а вот откуда – сие покрыто

мраком неизвестности.

– Вот вы и отогнали бы их обратно в этот самый мрак неизвестности, и век бы про них не знать! – вдруг сердито вступила в разговор старая Фотиния. – Жуть такую про этих самых эфталитов рассказывают: будто они берут в поход своих женщин, а ежели приходится им голодать, так они сначала съедают своих жен, а уж потом лошадей!

– Ну что ты, матушка, – засмеялся Гайна, – эфталитские жены такие фурии, что сами хоть кого загрызут, в том числе и собственных мужей.

– Коих у них бывает до четырех, – заметил Аларих.

– Свят, свят, свят! – испуганно закрестилась нянька. – Да ты шутишь, поди, над старой, ведь ты сам басурман!

– Да как бы я посмел, матушка Фотиния? Да и не басурмане мы вовсе, а такие же христиане, как и вы.

– Так вы же готфы!

– Ну и что? Сказано же в Писании, что в христианстве «несть ни эллина, ни готфа, ни иудея», – важно сказал Гайна, потягивая разбавленное вино из серебряной чаши.

– Нешто вот прямо так в Писании сказано, Софиюшка?

– Так и сказано, нянюшка, – улыбаясь, ответила диаконисса. – Разве что про готфов не упомянуто.

– А я о чем твержу!

– В Писании упомянуты те народы, коим было проповедано Евангелие самими святыми апостолами, – важно сказал купец Леонтий, оглаживая бороду. – Про готфов тогда

не слышали, и уж тем более про эфталитов. Но теперь доподлинно известно, что готфы христиане. Как и то, что у эфталитских женщин и вправду бывает до четырех мужей.

– Да как же это – четыре мужа? – запричитала Фотиния. – Да за что же их, бедняжек, так наказали?

– И не наказание это вовсе для них, – продолжал купец, – а гордятся они друг перед дружкой тем, у кого мужей больше. Они даже носят шапки с рогами по числу своих супругов.

– Да тьфу на них, срамниц! И слушать-то про такое противно, не то что видеть!

– А мы постараемся их прогнать поскорей, матушка Фотиния, вот ты и не увидишь эфталиток в рогатых шапках, – ласково сказал старушке Аларих.

– А ты сам-то их видал?

– Приходилось.

– Ну так гоните вы их скорее прочь от нашего города, коли вы сами не басурмане!

– И в самом деле, даже не верится, что бывает такое на свете, – вздохнула София.

– Всякое на свете водится, – продолжал дядюшка Леонтий, – вот у серских чиновников до четырех жен бывает нередко.

– И то и другое, надо думать, одинаковая мерзость перед Господом, – сказала София. – У нас и вдовы-то редко выходят второй раз замуж, хоть им это и не запрещено законом.

– Милая, ты живешь в первом на земле государстве Хри-

ста, а жители Сереса о Христе еще ничего и не слыхали, они пока язычники.

Старая Фотиния вдруг резво встала с обеденной кушетки и крадучись подошла к лестнице, ведущей в верхние комнаты.

– Девочки! Вы там чем заняты? – негромко спросила она. Ей никто не ответил, и она, успокоившись, вернулась на место. Но Гайне, сидевшему ближе к лестнице, показалось, что наверху, на галерее, мелькнули и исчезли две белые фигурки и сверкнули чьи-то черные любопытные глаза. Алариху он сказал об этом только дома, когда они вернулись с ужина у хозяев, – причем вернулись опять через внутреннюю калитку, которую сразу же запер за ними бойкий нянюшкин племянник.

Глава четвертая

Через несколько дней к Софии с утра вдруг появились оба готфа, нагруженные своими переметными сумами.

– Хозяюшка, – сказал Гайна, – выручи нас еще раз! Мы уходим защищать стены, и неизвестно, когда теперь вернемся в город. В этих сумках все наше походное имущество и кое-какие дорогие вещи, в том числе деньги и драгоценности. Не могла бы ты все это приберечь у себя в доме?

– Конечно, конечно! Я прикажу Елене запереть ваши сумки в кладовой, где у нас хранятся самые ценные вещи. Обещаю, что все останется в целости и сохранности до вашего возвращения. А вы возвращайтесь с победой!

– На щите или со щитом! – сказал Аларих.

– Мы будем молиться о вас! – пообещала София и перекрестила обоих готфов на дорогу.

* * *

С продовольствием становилось все хуже и хуже, торговцы быстро все раскупили у крестьян-беженцев, а затем взвинтили цены. Люди с утра спешили на рынок, а, найдя еду подешевле, ели ее тут же, на рынке, что в мирное время считалось, по крайней мере у горожан, весьма неприличным.

Для Софии осада Эдессы началась уже накануне первых прямых схваток нападающих и защитников города. Утром кухарка с помощницей ушли на рынок за припасами, а вернулись уже через полчаса с пустыми корзинами, перепуганные, растрепанные и взволнованные. Слуги собрались на кухне, чтобы выслушать новости.

– Эфталиты идут! Эфталиты идут в город! Все жгут и грабят, убивают даже детей и женщин! – закричала кухаркина помощница, увидев Софию на пороге кухни.

– Замолчи, дуреха! – отвесив ей подзатыльник, приказала кухарка. Подняв оброненную девушкой корзину, она поставила ее на скамью и сама без сил опустилась рядом. – Все так и есть, хозяйка, эфталиты приближаются к городу.

– Я иду к Мару Евлогию и там все узнаю доподлинно.

* * *

Выйдя на Главную улицу, София своими глазами увидела нашествие, но не эфталитов и персов, а беженцев из окрестных деревень. Некоторые из них были с телегами, запряженными волами, лошадьми или мулами и нагруженными скарбом и мешками с припасами, на телегах сидели дети и старики. Большинство же шло пешком, иногда толкая перед собой небольшие тележки, но чаще с мешками и корзинами за плечами. Но это были не самые скорбные беженцы: то и дело в толпе попадались те, кто шел с пустыми руками и при этом

вел, поддерживая, раненых и обожженных.

Вдоль Главной улицы, распределяя поток беженцев и следя за порядком, стояли городские стражники. София подошла к одному из них и спросила:

– Куда идут эти несчастные?

– На площадь Совета. Там перед ними выступят префект и епископ, объяснят, какой порядок они должны будут соблюдать в городе, а потом их разведут по местам временного расселения.

– И где же их всех намерены расселить городские власти?

– А это ты у них спроси, госпожа! Наше дело – следить за порядком.

На ходу беженцы сумрачно объясняли прохожим, стоявшим вдоль пути их следования, что эфталиты проходили через их деревни, на ходу грабя, убивая и сжигая все на своем пути. Многие из беженцев были без вещей, лишь в чем успели выскочить из домов и спрятаться. Некоторые горожане раздавали им подаяние, другие выносили из домов еду, но кое-кто глядел на беженцев неприязненно, ворча, что из-за них теперь в городе непременно начнется голод.

Храм был недалеко, и София довольно скоро подошла к церковным воротам. К ее немалому удивлению, они были закрыты. Она протянула руку сквозь отверстие у ворот, нащупала веревку колокола и позвонила. Ей отворил не кто иной, как их сосед, молодой купец Товий.

– Я с другими прихожанами помогаю готовить палатки

для беженцев, – пояснил он Софии, даже не успевшей ни о чем спросить. – Как только примем их и разместим, пойду проситься в ополчение.

В саду рядами стояли походные купеческие шатры. София вспомнила визит префекта и поняла, зачем тому понадобились старые палатки ее покойного мужа. Наученные горькой историей прежних осад города, веками привлекавшего врагов богатством и удобным местоположением, власти, как видно, успели хорошо подготовиться к новому приливу беженцев. На душе у нее стало немного спокойней.

В саду хлопотали причетники, в том числе и диакониссы, им помогали многочисленные прихожане, в основном женщины и подростки. «Мужчины уже ушли в ополчение!» – догадалась София. Со стороны кухни доносился запах готовящейся еды. «Когда же они все успели?» – подумала она. Будто отвечая на ее невысказанный вопрос, Товий объяснил: – Разведчики еще с вечера сообщили, что к городу движутся толпы беженцев, и Мар Евлогий сам обошел живущих рядом с храмом прихожан и позвал их на подмогу, а уже они позвали остальных.

– А кто тут у нас сейчас главный?

– Всеми делами заправляет отец Феодосий.

София отыскала диакона Феодосия, спросила, что ей делать, и отправилась помогать женщинам на кухню.

Через час, когда уже были расставлены все палатки и столы в трапезной и на аллее, явился Мар Евлогий, а за ним

– толпа запыленных и уставших беженцев. Их сразу же распределили по шатрам, потом повели умываться к ручью, а уже после усадили за столы и накормили. После недолгого благодарственного молебна беженцы разошлись отдыхать в свои временные полотняные жилища, женщины принялись убирать столы и начали готовить еду к вечерней трапезе, а Софию Мар Евлогий пригласил в свою келейку.

– София, доченька, а ведь у меня для тебя есть особое послушание, очень трудное, – сказал он, садясь и снимая сандалии с усталых ног.

– Благослови, владыко! – коротко сказала София, проходя в хозяйственный угол: там она взяла таз, налила в него воду из стоявшего у двери кувшина, поднесла к епископу и поставила у его ног; он с блаженным вздохом опустил ступни в прохладную воду. Она было склонилась, чтобы самой омыть ему ноги, но Мар Евлогий ее остановил.

– Я сам, София. Ты лучше слушай меня внимательно.

София послушно села у его ног, держа наготове полотняное полотенце.

– Как ты знаешь, самую большую опасность для города во время осады, пока он не взят врагами, представляют внутренние враги.

– Лазутчики?

– Хуже. Голод, болезни и эпидемии. Среди беженцев много больных, обожженных и раненых. На Совете было решено, что их по возможности надо отделить и лечить. Сад у те-

бя большой, постояльцев своих ты теперь навряд ли увидишь до конца осады; может быть, ты согласишься принимать к себе больных и раненых, которых мы обнаружим среди наших беженцев? Прокормить их поможет городской Совет, а для лечения мы назначим лекаря. Вот только ухаживать за ними некому – все люди у нас наперечет и нужны здесь.

– Сами справимся. У меня людей полон дом, да еще девушки помогут, Евфимия и Мариам. Им от этого только польза для души будет. Благослови, владыко святой! – София приняла благословение и все-таки вытерла ноги епископу.

– С сегодняшнего вечера, – сказал Евлогий, – начинаем строгий пост и постоянные молитвы в храме и по кельям, чтобы умолить Господа помочь богохранимой Эдессе избавиться от вторжения варваров. Так советует блаженный Алексей, человек Божий.

«Вот и экономия продуктов, – усмехнулась невесело София, – с постом-то мы протянем подольше».

* * *

Домой она возвращалась почти в сумерках. Последние беженцы шли от уже закрытых городских ворот, как ей сказал спрошенный по дороге стражник. София заметила молодую в совершенно пропыленной одежде, которая вела не раненого, а просто очень полную пожилую женщину, едва пе-

редвигавшую ноги; на плече у молодой женщины, оттягивая его, висели две большие переметные сумы, правда, наполовину пустые. По инерции она прошла какое-то время по улице, но затем, опомнившись, повернула назад, догнала беженок и предложила свою помощь.

– Нам бы поскорее найти гостиницу! – сказала молодая. – Матушка совершенно измучилась, да и мне идти нелегко. Из Харрана⁴³ мы выехали на осликах и с двумя слугами, но во время отдыха, когда мы обе уснули, слуги бросили нас и увели наших животных вместе с кладью. У нас остались только сумки с некоторыми вещами, которые мы положили под голову.

София протянула молодой женщине серебряную монетку, но та отстранила ее руку.

– Нет-нет, спаси Господь! Мы со свекровью успели захватить деньги и драгоценности, и даже приданое для моего первенца, которого я еще ношу под сердцем и, даст Бог, доношу. Просто нам пришлось выезжать из дома внезапно, а тут еще это ограбление... Муж мой, купец Абсамия из Харрана, остался в городе, а нам велел отправляться в Эдессу, беспокоясь и о нас, и о будущем ребенке, и вот мы теперь не знаем, что с ним и увидимся ли мы еще.

Молодая харранка распахнула дорожный плащ, и София

⁴³ **Харран** – древний город, сохранившийся до наших дней, что весьма удивительно, под тем же названием. С установлением республики турки провели настоящую топонимическую революцию, уничтожив почти все древние, эллинистические и христианские топонимы.

увидела большой округлый живот женщины. Она поняла, что ждать той первенца уже недолго, месяц или два, не больше.

– Нам бы только найти гостиницу, где еще есть свободные места, – вмешалась старшая женщина, которая, пока они разговаривали, успела немного отдышаться. – Не беспокойся о нас!

– Гостиниц свободных в городе нет, да и не надо вам искать гостиницу, – решительно заявила София, – мой дом рядом, и у меня найдется для вас место. Идемте со мной, дорогие!

– Мне скоро рожать... – предупредила молодая.

– Потому-то я вас и зову к себе!

– Спаси тебя Господь, сестра! – сказала старшая харранка. – Да благословит Бог весь дом твой и всех твоих родных за твою доброту и заботу!

– Это мой долг – опекать христианок, я ведь диаконисса. София меня зовут.

– А мое имя Нонна, и меня так называли в честь диакониссы Нонны Нианзинской!⁴⁴

– Ну вот, видишь, мы почти родственницы, и теперь ты уже никак не можешь пренебречь моим гостеприимством! – с улыбкой сказала София.

– Но мы за него заплатим и постараемся не быть тебе в тягость.

⁴⁴ Святая диаконисса Нонна, мать св. Григория Богослова.

– Оставь, сестра! – отмахнулась София. – А тебя как зовут, молодка?

– Фамарь, – ответила младшая харранка. Она еле-еле стояла на ногах, хотя продолжала поддерживать свекровь под руку.

– Как хорошо, что мы тебя встретили, София! – сказала Нонна и облегченно заплакала.

Все трое повернули назад и стали с трудом пробираться сквозь поток беженцев в обратном направлении.

* * *

– Кого это ты привела? – без церемоний спросила Софию Фотиния, вышедшая к ним из кладовки с ворохом старых, до прозрачности застиранных покрывал.

– Гостей, – коротко ответила София. – А ты что такая сердитая, нянюшка?

– Как не сердиться, когда таких вот гостей-нищевродов уже полный сад, а с тобой еще парочку принесла нелегкая!

– Не парочку, нянюшка, а троих: свекровь, невестка и ребенок, который вот-вот родится. Знакомься: это Нонна, это Фамарь, а чадо имени пока не имеет.

– А отец у ребенка есть? Кто он? – строго спросила Фотиния.

– Мой сын купец Абсамия, торговец зерном из Харрана, ушедший с караваном на север незадолго до нашествия вар-

варов. Хотел продать подороже чечевицу из прошлого урожая, а потерял, быть может, и дом, и лавку, – вздохнула Нонна.

– Могло быть хуже, матушка, – вмешалась Фамарь.

– Ты меня не успокаивай, дочка: гораздо хуже может быть еще и впереди. Вот как возьмут эфталиты Эдессу...

– Да чтоб у тебя на языке бородавка выросла! – без малейшей злобы пожелала харранке Фотиния, с ходу узнавая родственную душу. – Я думаю, Софиюшка, на эти дни уже хватит с них неприятностей, может, мы их в доме устроим? Зачем будущей матери слушать стоны раненых да проклятия ограбленных? Неполезно это для чада, даже и нерожденного. К тому же, если роды внезапно начнутся, я буду рядом!

– Так ты повитуха, сестра?

– Вообще-то, она у нас нянюшка, но всех своих питомцев своими руками принимала – и меня, и дочь мою... Кстати, а где Евфимия, няня?

– В саду, обожженных вместе с Мариам маслом обмывает и перевязывает. Ой, заболталась я с вами, пойду им тряпки отнесу! Наша домоправительница Елена покажет вам комнату. Устроим их внизу, Софиюшка, а то наверх им обеим тяжело подыматься. Да и с ребеночком, когда родится, молодой матери трудно будет по лестницам бегать.

– К тому времени, надеюсь, мы уже домой вернемся, – вздохнула Фамарь.

– А вот это заранее загадывать никак нельзя, красавица!

Елена, а Елена! Ты где там копаешься? Тряпок девочкам пока хватит, сначала достань простыни и проводи женщин в баню. Вода сейчас и без нагрева теплая, но скажи девчонкам, чтобы горячей воды принесли из кухни.

– Хорошо, матушка! – сказала домоправительница и добавила вполголоса: – А то бы я без тебя не сообразила...

– И эту непослушницу тоже я принимала. Я же ее и крестила.

Глядя на нянюшку, беременная харранка слабо улыбнулась – впервые за последние дни.

Гости с Еленой ушли в баню, Фотиния, ворча по обыкновению, отправилась в сад к больным, а София наконец присела на кушетку, вытянув усталые ноги. Но тут в атриум вбежала Евфимия.

– Мама, мама, я не знаю, что делать, помощи! Там девочка, обгоревшая да еще с ушибленной ногой, она плачет и не хочет лечиться. Она спасла из подожженного сарая козленка, обгорела вся, донесла его до города, а теперь родители хотят его у нее отобрать и сварить!

– Что еще за козленок?... Ну, пойдем, доченька.

Пошатываясь, София встала и пошла за дочерью в сад.

* * *

Между фруктовыми деревьями уже стояли палатки: возле некоторых сидели целые семьи, переселившиеся сюда вместе

со своими ранеными и заболевшими в дороге; другие палатки стояли с опущенными пологами – там измученные люди, неожиданно обретшие пристанище в тихом месте и в прохладе, спали крепким сном после пережитого.

Первым делом София заглянула в садовый домик, уже превращенный в перевязочную и аптеку: сюда снесли все целебные мази и настои, имевшиеся в доме. Матрацы и покрывала готфов были свернуты и сложены в углу, на лавках сидели раненые в ожидании помощи; их оставалось всего несколько человек, об остальных уже успели позаботиться. Мариам и еще две девушки из церковного хора занимались больными, а Фотиния и кухонная девочка резали полотно на длинные полосы и скатывали их в бинты – на оставшихся больных и на завтра.

Убедившись, что все здесь идет своим чередом, София похвалила девушек, а Фотинии сказала:

– Вели Саулу освободить заколоченное окно, а доски отнести на кухню.

– Ты думаешь, готфы сюда уже не вернутся?

Евфимия в тревоге глядела на мать.

– Не знаю, няня. Кто может знать, кроме Бога? Но здесь теперь понадобится больше света, так что распорядись. Идем, Евфимия!

Они вышли в сад. Евфимия повела мать к девочке с козленком.

– Вот этот козленок и его хозяйка, ее зовут Мария, – ска-

зала она, остановившись перед отроковицей лет восьми-девяти, сидевшей возле одной из палаток и державшей на коленях бедного обреченного козленка. Девочка крепко прижимала животное к себе перевязанными ручонками.

– Тебя зовут Мария, красивое имя. А как зовут твоего козленка? – ласково спросила София девочку.

Та подняла огромные заплаканные глаза и прошептала:

– Мэме! Они хотят его зарезать и продать! Разве я для того растила его и прыгала за ним в огонь, госпожа?

– Конечно, нет, Мария! Ты хотела его спасти и спасла.

Девочка кивнула, с надеждой глядя на Софию.

На ее голос из палатки вышли родители девочки, оба пожилые или казавшиеся такими, с измученными лицами; отец был с перевязанной головой, а у матери одна рука подвешена на косынке.

София взглянула на них мельком, но продолжала разговор с девочкой:

– Это у тебя козочка или козлик?

– Козлик!

– Какая удача! А ты не хочешь его мне продать? Мне как раз очень нужен козлик.

– Зачем? Чтобы сварить?

– Ну что ты! Он мне нужен живым, – София присела рядом с девочкой. – Ты, конечно, видела сама, что город наш теперь переполнен людьми, а деревни вокруг опустели. А ты знаешь, что это значит?

– Что?

– Это значит, что из брошенных деревень в город скоро побегут крысы. А знаешь, чего не выносят крысы? Запаха козликов. Люди, которые держат лошадей, специально поселяют в конюшни козлов, чтобы туда не забирались крысы.

– А у тебя есть лошадки, госпожа?

– Нет, лошадок у нас нет. Но есть старенький ослик, принадлежащий нашей нянюшке Фотинии: иногда она ездит на нем к одному старцу-отшельнику за советом. Вот к ослику няни мы и поселим твоего козлика, и ты сможешь навещать и кормить своего Мэме свежей травой из сада, а ослик поделится с ним овсом и сеном. Хочешь посмотреть, где он будет жить?

– Да! Только ведь он все равно принадлежит моим родителям: вдруг они не согласятся его продать? Они ведь переживают, что нет денег даже на хлеб. У меня ведь еще маленький братец...

– Понимаю. Но твои мама и папа еще не знают, что на время осады Эдессы городские власти взяли на себя пропитание всех, кто нашел приют в городе. Всех беженцев будут кормить бесплатно. А если твои папа и мама продадут мне козлика, то у них будут и деньги.

Крестьяне, внимательно слушавшие разговор дочери с хозяйкой лечебницы, переглянулись с посветлевшими лицами. Жена толкнула мужа и что-то ему прошептала.

– Госпожа! Не надо никаких денег: мы подарим тебе коз-

лика за твою доброту, – сказал отец Марии.

– К тому же сейчас все равно наш епископ объявил строгий пост и христиане на мясо его не купят, а нехристям продавать не хочется, – добавила мать девочки.

– Ну вот и прекрасно. Мы с вашей дочерью пойдем сейчас и устроим козлика на новое место жительства. А от денег не отказывайтесь, вы не в том положении. Сколько бы вы за него хотели?

– Сколько дашь...

– Договорились! Пойдем, моя милая. Ты идти-то можешь?

– Могу. Сюда же я дошла и его донесла!

Козлик вскоре был устроен в углу сарая, в особой загородке, но рядом с осликом, который, кажется, ничего против такого соседства не имел. Его покормили нарезанной в саду травой, девочка успокоилась, а родители обрадовались, получив за него серебряную монету.

София из последних сил добрела до бани, где еще оставалась теплая вода после мытья беженков из Харрана, кое-как помылась, поднялась к себе, чтобы прилечь на несколько минут перед ужином, – и провалилась в крепчайший сон до утра. Она бы, наверное, поспала и дольше, но вскоре после рассвета ее разбудила Фотиния.

– Наши готфы вернулись! – взволнованно сказала она. – Один живой, а второго он привез на коне, израненного и окровавленного. Я их отправила в садовый домик.

– Да ты с ума сошла, старая! Надо было устроить раненого

в доме, здесь ему было бы покойнее...

– Еще чего! – фыркнула нянька. – В доме, где живет молодая девушка! Он солдат, ничего с ним не станется! Если ему суждено выжить, так и в саду выживет. К тому же у нас там и бинты, и лекарства... Пойдешь на него взглянуть?

– Конечно! Уже встаю... А кто из них ранен, Гайна или Аларих?

– А кто их разберет, я их не различаю, по мне, так все варвары на одно лицо...

Глава пятая

Ранен был Аларих, причем ранен тяжело и не однажды. С помощью Фотинии и Гайны, который приподнимал и вворачивал друга, София обработала и перевязала его многочисленные раны.

– Как же это случилось, что ты вот жив-здоров и даже не ранен, а на друге твоём живого места нет? – удивлялась Фотиния.

– Вот потому я и жив, что Аларих собой пожертвовал. Он со своей сотней стоял за рекой, у входа на мост, и защищал его от варваров до последнего, как Леонид и триста спартанцев⁴⁵.

Гайна, не переставая помогать Софии перевязывать друга, обстоятельно поведал, как эфталиты бесшумно подошли к мосту в середине ночи и сражались вопреки обычаю в почти полной тишине, пытаясь незаметно снять охрану моста, пробиться к стенам города в темноте и взять их неожиданным штурмом. Одновременно эфталиты подняли страшный шум в округе, чтобы заглушить звуки битвы у моста: они жгли многочисленные костры, гремели оружием и даже специально кололи лошадей ножами, чтобы заставить их ржать

⁴⁵ Подвиг Леонида и его воинов-гоплитов в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э. описан Геродотом и стал на века христоматийным примером воинской стойкости и самоотверженности.

громко и визгливо. И конечно же, хитрость их удалась: все внимание защитников города было устремлено на их стоянки за узким местом реки — эдесситы полагали, что варвары готовятся к переправе Дайсана. Тем временем тысячный отряд эфталитов подошел к мосту, и тут Алариху пришлось принять бой и держать оборону, ожидая рассвета. На узком мосту могло одновременно сражаться не более десяти воинов, что позволило сотне Алариха долго и успешно противостоять яростному напору дикарей. Узость переправы практически свела на нет подавляющее превосходство врагов в численности.

Образовав из больших щитов, опертых о перила моста, нечто вроде укрытия, защитники получили возможность, меняя друг друга, отдыхать. Так они, собирая последние силы, вновь и вновь выдвигались на линию непосредственного столкновения с противником и сдерживали напор молчаливой дикарской ярости. Аларих посылал нескольких воинов к воротам с предупреждением, но ни одному из них не удалось перейти мост: эфталиты снимали посыльных стрелами. И только когда рассвело, со стен увидели страшную рубку у переправы, открыли ворота и отправили конницу на выручку Алариху.

— Я сам нашел его в груде тел и решил отвезти сюда. Но если это неудобно для тебя, госпожа София, то я отправлю его в гарнизон, как только он придет в себя. Если придет... — оканчивая свое повествование, вздохнул Гайна.

– Обязательно придет! – сказала София. – Раны не смертельные, просто он потерял много крови, пока лежал без помощи. И правильно ты сделал, Гайна, что привез его сюда: как раз у нас в саду со вчерашнего дня устроен лазарет и сегодня нам в помощь обещали прислать лекаря из городской лечебницы. И лекарственные мази и травы у нас тут все под рукой. Не тревожься, подыдем мы на ноги твоего Леонида-спартанца!

– Спаси тебя Господь за твою неизменную доброту к нам, госпожа София! А теперь я должен вернуться на стены. Если будет возможность, я загляну проведать Алариха, но теперь я за него спокоен.

– С Богом! – сказала София, обняла и перекрестила Гайну.

Вместе с Гайной, получив разрешение хозяйки, ушел на стены города и племянник Фотинии Саул, а по дороге их догнал молодой Товий с парой своих друзей. Все они шли защищать стены родного города.

* * *

Старшая харранка Нонна, несмотря на возраст и полноту, быстро оправилась от испытаний и дорожных невзгод и уже на другой день отправилась в сад помогать ухаживать за ранеными, а вот невестка ее Фамарь, как оказалось, перенесла дорогу хуже свекрови... С утра у нее началось головокруже-

ние, живот опустился, потом отошли воды, и к вечеру она родила слабенького недоношенного младенца мужского пола. Чтобы дитя не осталось некрещеным, если вдруг умрет, Фотиния, принимавшая роды, сама окрестила мальчика с именем Тума – в честь небесного покровителя города Эдессы апостола Фомы, после чего от младенца уже не отходила и обещала матери, что ребенок будет жить. Она завернула его в руно, обложила нагретыми камнями и сделала ему соску из тряпицы, смоченной отваром каких-то травок с медом. На другой день у Фамари появилось все-таки молоко, и Фотиния стала приносить ей маленького Туму для кормления; но, как только тот оставлял грудь и засыпал, забирала его и уносила к себе, несмотря на слабые возражения Фамари.

– У тебя первенец, а я их пяток вынянчила! – отвечала ей нянюшка, ревниво и нежно прижимая к себе нежданную дорогую добычу. – Сначала сама на ноги встань, а потом уже сына поднимать начнешь!

Только потому, что Фотиния целиком переключилась на новорожденного, Евфимия и смогла ухаживать за раненым Аларихом со всем пылом молодого и благодарного сердца: она заботливо обтирала ему лицо настоем мяты для освежения, смачивала его губы водой и сама меняла повязки. София ей не препятствовала, ведь и для нее молодой человек был храбрецом, самоотверженно защитившим их город. К тому же герой не приходил в себя. Чем он мог быть опасен для молодой девушки, лежа неподвижно с закрытыми глаза-

ми?

Но всегда ли глаза Алариха были закрыты, а уши ничего не слышали? На третий день он стал время от времени приходить в сознание. В такие минуты Евфимия поила его, как велел ей лекарь, густым гранатовым соком, чтобы восполнить пролитую кровь, сама же его и выжимая из прошлогодних гранатов, хранившихся в кладовой. Увидев над собой склоненное заботливое лицо молодой девушки, в первый раз он принял ее за ангела, явившегося ему в бреду, но уже скоро начал ее узнавать. «Соловушка!» – прошептал он и улыбнулся еще бледными губами. Евфимия не поняла, что слова эти обращены к ней, и удивилась: какой это соловей ему слышался днем?

– Это зяблик поет! – сказала она, прислушавшись к птичьему пению.

– Хорошо, пусть будет зяблик, – сказал Аларих и снова уснул.

* * *

Нонна, удостоверившись, что роженица и новорожденный в хороших руках, изо всех сил помогала Софии обихаживать погорельцев: она и перевязки им делала, и еду готовила, и кормила их за общим столом, сколоченным из досок и поставленным на козлы возле пруда. Фамарь оставалась в доме с ребенком под надзором Фотинии. И никто не препятство-

вал Евфимии заботиться о раненом герое, только подружка Мариам иногда ей помогала.

Гайна, на третий день урвавший время навестить друга, застал его еще слабым и мало что понимающим. Он даже не стал сообщать ему военные новости, оставил его под опекой Евфимии и Мариам и прошел в дом Софии через уже не заправшуюся садовую калитку.

Хозяйку он застал за приготовлением целебных отваров на кухне. Он поблагодарил ее за заботу о раненом друге, а София его – за то, что он навестил их. Она тут же распорядилась собрать для него угощение.

– Я не отпущу тебя, не покормив! – объявила она, ухватив Гайну за рукав и ведя его к столу.

– А я и не подумаю отказываться! – сказал он с улыбкой. – Особенно если мне предложат что-то жидкое и горячее. Еда всухомятку, даже запиваемая вином, все равно дерет горло!

– Похлебка из красной чечевицы и печеная рыба?

– Божественно!

– Еще бы, ведь это рыба, посвященная языческой богине любви, – пошутила София. Она, конечно, не призналась, что ни сама она, ни ее домочадцы рыбу не едят, но не по причине ее языческого происхождения, а из-за строгости поста; вся рыба шла только больным и детям.

– Как человек женатый и хранящий верность супруге, я просто обязан расправиться с этой рыбой, напоминающей о грехе! Давай ее скорей сюда!

Не успел Гайна опуститься на скамью, как стол, обширный и круглый, рассчитанный на множество гостей, начал заполняться маленькими мисками с разнообразными закусками, предшествующими основным кушаньям. Его зоркий глаз сразу же определил, что ничего, кроме овощей и зелени в ярких расписных мисочках, не было – не только мяса и дичи, но даже риса и проса. Но красная чечевица была обильно сдобрена пряностями, и он воздал ей должное.

Когда же Гайна покончил и с рыбой – доброй половиной карпа, запеченного в листьях винограда, наступило время напитков и фруктов. Сушеных фруктов в доме не осталось, но вместо них была подана на блюде огромная кисть душистого черного винограда: в саду дети-беженцы весь виноград уже успели оборвать, даже зеленый, а вот на лозах, выющихся по стене дома, кое-где грозди еще оставались.

Гость насытился, и наступило время беседы.

– Что там происходит на стенах города? – спросила София. – Как ведут себя эфталиты?

– Похоже, что, наученные Аларихом и его «спартанцами», эфталиты на новый прорыв не решатся до подхода персов, а тех что-то не видать. Может, персы и вовсе обойдут ваш город стороной.

– Это было бы очень хорошо.

София не стала жаловаться Гайне, что с продовольствием в городе сделалось совсем плохо: ей не хотелось обижать его, защитника Эдессы, ведь самой большой продовольственной

нагрузкой для города было снабжение армии, в первую очередь выпечка «солдатского хлеба». Большинство ветряных и водяных мельниц с началом осады оказались за границами города, и весь помол муки лег на несколько городских мельниц да еще на ручные мельницы, которых хоть и достаточно было в городе, почитай в каждом доме хоть одна, но ведь и хлеба требовалось куда как много! А в доме Софии пекли хлеб еще и для беженцев. Ей уже было ясно, что в самом скором времени домашние запасы зерна закончатся и его придется закупать на рынке. Или брать подряд на выпечку хлеба для армии. О, она бы решилась взять подряд, но где добыть рабочие руки? Дом остался без мужчин, а женских рук уже не хватало, чтобы обслужить всех нуждающихся, нашедших приют в саду Софии.

– Так почему же варвары не решаются штурмовать стены города?

– Они ждут основное войско персов. Сами эфталиты способны держать осаду очень долгое время, но взять город они не могут: у них нет осадных машин. А у персов для взятия крепостей есть слоны, тараны, осадные башни с баллистами наверху.

– А у нас, у защитников города, хочу я сказать?

– На стенах Эдессы тоже кое-что есть, что очень не нравится легко вооруженным эфталитам, – «скорпионы» или «онагры», к примеру, баллисты, да и другие эвтитоны и па-

линтоны⁴⁶. У конников-эфталитов ничего подобного, конечно, нет.

– Слава Богу!

– Вот именно. Но о том, почему персы задерживаются, узнать ничего не удастся. Несколько эфталитов удалось захватить нашим лазутчикам, их допрашивали, но ни один не сказал ни слова: то ли они мужественно хранили молчание до самой смерти, то ли просто не знали языка. Если бы Аларих был здоров, мы бы с ним сумели подобраться к варварам и выкрасть из их лагеря кого-нибудь из персидских командиров, их несколько человек в войске эфталитов. Но один я с этим не справлюсь, я всегда ходил в разведку с Аларихом.

– И на охоту тоже, – напомнила София.

– Конечно! С кем ходил в разведку, с тем и на охоте ждет удача. Аларих в разведке бесшумен, коварен и беспощаден, как аспид. Как ты думаешь, госпожа София, он скоро начнет поправляться?

– Он силен, как молодой буйвол. Если бы очнулся и начал есть, то выздоровел бы очень скоро.

– Что ж, остается только молиться и ждать...

⁴⁶ Военные машины, стрелявшие стрелами, назывались эвтитонами (euthytonon, *греч.* стреломет), к ним относились и «скорпионы», а камнеметательные – палинтонами. Баллисты также относились к палинтонам.

Аларих окончательно пришел в себя только через неделю после героической битвы у моста через Дайсан. Евфимия как раз размочила подогретым оливковым маслом повязки на его плече, но стоило ей осторожно снять бинты, как раненый застонал и открыл глаза – осмысленные и ясные. Руки Евфимии дрогнули, и она уронила повязку на пол.

– Что с тобой? – окликнула ее Мариам, сматывавшая высушенные бинты, сидя на лавке.

– Голова закружилась...

– Ты все еще боишься открытых ран! – упрекнула ее подруга. – Давай я перевяжу, – она бросила несмотанную ленту полотна обратно в корзину, взяла Евфимию под руку и отвела ее на свое место. Евфимия села на лавку, на ощупь нашла бинт и стала его сматывать непослушными дрожащими пальцами.

– Сиди тут! Я приведу Фотинию, пусть осмотрит рану.

Евфимия сидела, сматывала бинты и не подымала головы, а в это время Аларих не сводил с нее глаз.

– Евфимия, поди сюда! – внезапно негромко окликнул он девушку.

Но Евфимия вскочила и быстро пошла к занавешенной двери, мелькнула в солнечном свете за откинутой занавеской и исчезла. Лишь успела услышать, как готф сказал ей вслед

негромко:

– Зяблик пугливый!

Пришла Фотиния, осмотрела рану готфа, взглянула ему в лицо и сказала:

– Ну вот, Аларих, и самая глубокая рана начала затягиваться. Теперь главное твое лечение – хорошо есть, побольше пить и подольше спать. А остальное сделает природа!

* * *

С этого дня ни Евфимия, ни Мариам в садовый домик больше не заглядывали: старая нянюшка сочла неуместным, чтобы юные девушки ухаживали за пришедшим в себя раненым мужчиной, и Алариху пришлось подчиняться Фотинии да ее помощницам с кухни. Ухаживали они за ним хорошо, кормили от души и подогретого вина с целебными специями не жалели, но лечиться ему скоро надоело, и он начал подыматься с постели уже на третий день. Когда же Гайна еще раз пришел навестить его, Аларих отправился с ним назад, на стены города. Он только зашел в хозяйский дом поблагодарить Софию и Фотинию.

– Прости, что доставил тебе столько забот, госпожа, – сказал он Софии, – но, когда мы отгоним варваров от города, я постараюсь тебя отблагодарить.

– Друг мой Аларих, – сказала ему в ответ диаконисса, – это мы, жители города, в неоплатном долгу перед тобой и

твоими храбрецами!

– Ничего, вот победим – тогда и сочтемся! – засмеялся Аларих.

Воины ушли, а София вернулась к своим многочисленным обязанностям.

А Фотиния тут же объявила:

– Нечего Евфимии сидеть дома сложа руки в такую пору! Что это никто старуху не жалеет? Я и за младенцем смотри, и за больными в саду ухаживай! Вели ей, София, чтобы позвала Мариам и обе шли в сад готовить мазь от ожогов: у них это получается лучше, чем у служанок, которые ленятся равномерно помешивать воск и масло, и мазь у них вечно пригорает!

* * *

Шли дни, наполненные тревогой и трудами.

Однажды с утра девушки и Фотиния в саду осматривали детей с ожогами и делали перевязки. Нянюшка уверенными и бережными руками смотала бинт со лба мальчика, которому на голову упала горящая головня, пропитала вином кусок полотна, наложенный на ожог, подождала, а потом резким движением сорвала его. Мальчик ойкнул, но старуха тут же наложила свежую тряпочку с мазью из воска и оливкового масла.

– Ну вот, следующий раз мы снимем тебе повязку, и твой

ожог скорее заживет на открытом воздухе.

– А прямо сейчас снять нельзя? – спросил мальчик. – Мне повязка жуть как надоела, под нею все чешется.

– Чешется – значит заживает. Если с ожога снять повязку раньше времени, ты тут же чем-нибудь перемажешь лоб, и рана воспалится. А повязка на лбу делает тебя похожим на храброго воина-героя.

– Как Аларих?

– Да.

– Я побегу играть в Алариха и защиту моста!

– Вот и беги.

Мальчик поцеловал ей руку, поблагодарил и убежал вприпрыжку.

– Что ты собираешься делать? – строго спросила Фотиния Мариам, собиравшуюся отмачивать вином кусок полотна на щеке у девочки, ровесницы убежавшего озорника.

– Хочу снять старую повязку и наложить новую.

– Ни в коем случае! Это же девочка!

– А какая разница? – удивилась девушка.

– Разница огромная. Если ты сорвешь вместе с повязкой кусочек присохшей обгоревшей кожи, у малышки на лице останется шрам, и, может быть, он останется заметным даже тогда, когда она вырастет. Наложенную с самого начала тряпочку, пропитанную целебной мазью, нельзя ни в коем случае снимать и менять. Ее можно только осторожно подрезать с краев, где ожог заживает и появляется новая кожа,

да сверху пропитывать подогретым маслом. Разве можно допустить, чтобы девичье личико испортил шрам от ожога?

— Но ведь так ожог будет заживать гораздо медленнее, чем если на него все время накладывать свежую мазь!

— А ей торопиться некуда. Пусть заживает хоть месяц, лишь бы личико осталось неиспорченным. Скажи, малышка, ты хочешь вырасти красавицей?

— Я и сейчас красавица! — ответила девочка без малейшего сомнения. — Так мой папа говорит.

— Ну, вот видишь? А чтобы твой ожог хорошо зажил и ты стала еще красивее, надо дождаться, пока вот эта тряпочка сама отпадет. Когда почувствуешь, что ее края уже не прилипают к коже, приди к нам, и кто-нибудь из девушек аккуратно отрежет лишнее. И береги больное место, чтобы нечаянно не зацепиться и не сорвать полотно!

Девочка осторожно накрыла ладошкой серый кусочек полотна на щеке, поблагодарила нянюшку и Мариам и, бережно ступая, пошла к своему шатру.

— Тетушка, тетюшка! — раздался крик со стороны калитки, выходящей на улицу. По дорожке к ним бежал Саул. — Я принес радостную весть: варвары скоро уйдут, они снимают осаду!

— Врешь, небось! — проворчала Фотиния, обнимая его и осматривая. — Почему никто ничего не знает, а тут ты прибегаешь и говоришь такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.